

СТАНОВЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД: ФИГУРА И ВЗГЛЯДЫ А. Н. МАНДЕЛЬШТАМА. ЧАСТЬ 2¹

ШЕСТАКОВА К. Д., ЯТАЕВА П. С., АВДЕЕВА В. С., СУПОНИН В. В.

Шестакова Ксения Дмитриевна — кандидат юридических наук, научная руководительница магистерской программы «Международное публичное право», доцент юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия (k.shestakova@spbu.ru).
ORCID: 0000-0001-9459-9330.

Ятаева Полина Сергеевна — директор Программы международных конкурсов в форме игровых судебных процессов юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия (p.yataeva@spbu.ru).
ORCID: 0009-0006-1801-1332.

Авдеева Варвара Сергеевна — студентка магистерской программы «Международное публичное право» юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия (avdeeva.varia@gmail.com).
ORCID: 0009-0006-4383-6539.

Супонин Вячеслав Вячеславович — студент магистерской программы «Международное публичное право» юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия (suponinvv@gmail.com).
ORCID: 0009-0004-3120-023X.

Аннотация

В современной русскоязычной литературе по теории и истории международного права имя А. Н. Мандельштама упоминается редко. Внимание к его международно-правовым идеям в последнее десятилетие понемногу проявляется в источниках, посвященных ранней истории защиты прав человека на английском, французском и других языках. Профессиональный путь А. Н. Мандельштама в эпоху нестабильности, войн и революций интересен фокусом на защиту прав человека, окончательно сформировавшимся в эмигрантский период жизни. Перу Мандельштама принадлежит первый проект универсальной декларации прав человека, принятый Институтом международного права. Продвигая в эмиграции гуманистические идеи, А. Н. Мандельштам читал лекции в Гаагской академии международного права, осмысляя опыт столкновения Османской и Российской империй с проблемами меньшинств, беженцев и апатридов. Он разработал концепции защиты прав меньшинств и прав человека в международном праве, а также активно занимался их универсализацией. Несмотря на передовые для своего времени идеи о примате прав человека над государственным суверенитетом, Мандельштам не был свободен от глубоко укоренившихся в мировоззрении интернационалистов его поколения идей о разном уровне развития и цивилизованности различных народов, требующих, по сложившемуся мнению, опеки просвещенных государств. Авторы статьи исследовали частную историю А. Н. Мандельштама, связанные с ней микроистории, включив их в более широкий исторический, политический и социальный контекст. Они проанализировали становление и развитие идей Мандельштама о защите прав человека в межвоенный период с целью вернуть его фигуру и идеи в современный теоретический и исторический дискурс.

Ключевые слова

А. Н. Мандельштам, международная защита прав человека, гуманитарная интервенция, защита прав меньшинств, межвоенный период, Российская империя, Османская империя, история международного права, теория международного права, Лига Наций

Для цитирования: Шестакова К. Д., Ятаева П. С., Авдеева В. С., Супонин В. В. Становление международной защиты прав человека в межвоенный период: фигура и взгляды А. Н. Мандельштама. Часть 2 // Журнал ВШЭ по международному праву (HSE University Journal of International Law). 2024. Т. 2. № 2. С. 4–27.

<https://doi.org/10.17323/jil.2024.22259>

¹ Первая часть исследования, посвященного жизни и трудам А. Н. Мандельштама, см: Шестакова К. Д., Ятаева П. С., Авдеева В. С., Супонин В. В. *Становление международной защиты прав человека в межвоенный период: фигура и взгляды А. Н. Мандельштама. Часть 1* // Журнал ВШЭ по международному праву (HSE University Journal of International Law). 2024. Т. 2. № 1. С. 4–18. URL: <https://jil.hse.ru/article/view/21706/18655>.

Главным радетелем за международную защиту прав человека в послеверсальский период был А. Н. Мандельштам.

Ян Герман Бургерс²

Введение

В первой части статьи мы рассмотрели состояние международного права как профессиональной практики во второй половине XIX века, а также проследили личную траекторию А. Н. Мандельштама, его становление в качестве юриста-международника с учетом происхождения, полученного университетского образования, дополнительного обучения во Франции и Константинополе, а также начала дипломатической карьеры.

Анализ диспута Л. И. Петражицкого с А. Н. Мандельштамом на защите диссертации последнего продемонстрировал включение юристов его поколения — в отличие от поколения его учителей, включая Ф. Ф. Мартенса, — в дискуссию о методе международного права. Спор о конфликте (или балансе) между позитивным и метафизическим в праве в этот период во многом отражает общие споры и поиски российских либеральных мыслителей в Российской империи. В 1900-1914 годах либеральная мысль в России переживала свой кульминационный период и из философского течения трансформировалась в общественно-политическое движение. Представляется, что нормативная теория А. Н. Мандельштама была среди прочего вдохновлена конкретным историческим и социокультурным пониманием либеральных ценностей и способа разрешения конфликтов между ними. Мандельштам сформулировал минимальные стандарты защиты прав меньшинств — впоследствии всеобщих прав человека — с учетом собственного опыта дипломатической службы в Османской империи, осмысления предпосылок и последствий двух мировых войн, а также революции 1917 года, повлекших за собой в числе прочего массовую эмиграцию.

Для удобства читателя вторая часть статьи поделена на несколько разделов: введение; (I) международное право в контексте идей либерализма начала XX века; (II) Петербург-Константинополь: дипломатическая карьера; (III) права человека: теоретизация и универсализация; (IV) научная и консультативная деятельность в эмиграции; (V) последние годы жизни; и заключение.

I. Международное право в контексте идей либерализма начала XX века

С момента зарождения либеральных идей в Англии и Франции в XVII-XVIII веках множество мыслителей, которые ассоциируются с этой традицией, стремились найти наилучший способ разрешения конфликта между личной свободой и социальной справедливостью, а также установить допустимую степень вмешательства государства для достижения оптимального баланса между ними, оценивая влияние той или иной теоретической модели на формирование общественных институтов и практик. Как показывают современные научные исследования, либеральные идеи, попав на дореволюционную российскую почву, приобретали разнообразные формы и трансформировались под влиянием конкретного политического и социокультурного контекста³.

Европейская либеральная мысль

Прежде чем обрисовать особенности российского контекста, в котором развивались либеральные идеи, вкратце опишем суть либерального течения мысли. Несмотря на современную критику понятия «либерализм», отсутствие единообразия среди представителей данного направления мысли, исследователи говорят о существовании традиции либерализма, которая базируется на пяти фундаментальных идеях: индивидуализм, эгалитаризм, социальный контракт руссоистского типа, мелиоризм и универсализм⁴.

² «The principal champion of international protection for human rights in the period after Versailles was A. N. Mandelstam». Burgers J. H. *The Road to San Francisco: The Revival of the Human Rights Idea in the Twentieth Century* // Human Rights Quarterly. 1992. Vol. 14. № 4. P. 451.

³ См. об этом, в частности: Рэмpton В. *Либеральные идеи в царской России. От Екатерины Великой и до Революции* / Ванэсса Рэмpton ; [пер. с англ. И. Нахмансона]. СПб. : Academic Studies Press / Библиороссика, 2014.

⁴ Подробнее об этом: Рэмpton В. *Указ. соч.* С. 8–55.

Другими словами, либеральные мыслители строят социальную модель вокруг идеальной фигуры противопоставленного социальным группам автономного субъекта, который активно участвует в политических процессах и самостоятельно принимает ключевые решения, определяющие его жизнь⁵. Либеральные мыслители утверждают равенство и призывают к эмансипации угнетенных групп в обществах со схожими общественными условиями и запретами. Личная свобода, по их мнению, достигается всеми людьми, являющимися равноправными членами справедливого общества, в котором законы устанавливаются демократическим путем, а «индивидуальная воля становится частью всецельной общей воли»⁶. Либеральные идеи зачастую презюмировались универсальными; либеральные мыслители, опираясь на исторический метод, разделяли оптимистическую уверенность в возможности прогресса и улучшения общественных институтов и условий жизни посредством реформ и других механизмов, впрочем, соглашаясь с множественностью способов, которыми эти цели могут быть достигнуты.

Исторически либеральные мыслители утверждали, что, раз история доказывает правоту их концепции свободы, то сформировавшиеся в их культурной среде представления, практики и ценности должны лечь в основу общечеловеческой цивилизации. Каждый, кто не разделял их представлений, считался заблуждающимся или лишенным морально-нравственных ориентиров⁷. В более позднем осмыслении такая позиция подверглась критике из-за игнорирования социальных и эмоциональных связей между людьми, чрезмерного индивидуализма и антропоцентризма, а также оторванности от реальной жизни⁸.

Юристы-международники рассматриваемого периода были склонны переносить свои представления об общественном устройстве на межгосударственные отношения. Таким образом, оригинальное прочтение этих идей, сделанное с учетом личного опыта, прослеживается в общетеоретических представлениях А. Н. Мандельштама о международном праве, наиболее полным образом сформулированных в монографии «Судьба Османской империи»⁹. Собственный опыт Мандельштама охватывал его профессиональное развитие в Российской империи, а также участие в русскоязычном и французском либеральном дискурсе.

Русская либеральная мысль на рубеже XIX-XX веков

Осветив дополнительное образование и идеи преподавателей А. Н. Мандельштама во Франции в первой части статьи, вкратце выделим основные особенности формирования либеральной мысли в дореволюционной России, которая в рассматриваемый период развивалась в условиях специфического политического и социокультурного контекста, включавшего империю с абсолютной монархией и длительное существование крепостного права¹⁰.

Любопытно отметить, что хотя термин «либеральный» появился в русском языке довольно рано, по сути, либеральные мыслители длительное время использовали его только в диалоге с международной аудиторией, избегая прямо называться «либералами» в русскоязычном дискурсе. Современные исследователи объясняют этот факт тремя основными причинами.

Во-первых, в российском дискурсе термин обладал ярко выраженной негативной коннотацией¹¹. Во-вторых, либеральное течение в рассматриваемый период было крайне разрозненным, поскольку разделявшие либеральные идеи мыслители не могли прийти к единому пониманию того, как толковать ключевые либеральные концепции в конкретных исторических и социокультурных реалиях дореволюционной России и какими средствами добиваться их воплощения в жизнь. Экономическая составляющая социально-экономической модели общественного устройства, включавшая либеральную экономику и ограничение роли государства, уважение частной собственности, интересовала их в меньшей степени, чем социальная: обретение гражданских и политических прав, способных, по их мнению, защитить общество от государственного произвола. В-третьих, фрагментированная сущность западных либеральных идей не давала российским мыслителям четких

⁵ Там же. С. 16.

⁶ Там же. С. 17.

⁷ Там же. С. 17–18.

⁸ Там же. С. 18.

⁹ Mandelstam A. *Le Sort de l'Empire Ottoman*. Lausanne, Paris : Payot et Co.

¹⁰ Рэмpton В. *Указ. соч.* С. 10–13.

¹¹ См. например, Тургенев И. С. *Отцы и дети*. М. : Издательство «Художественная литература», 1976. С. 192: «Аристократизм, либерализм, прогресс, принципы, — говорил между тем Базаров, — подумаешь, сколько иностранных... и бесполезных слов! Русскому человеку они даром не нужны».

ответов на вопрос о том, в чем заключается первоочередная задача государства: в обеспечении и стимулировании социально-экономического благополучия подданных, в защите демократических принципов, гарантировании гражданам свободы, природу которой — позитивную или негативную — еще требовалось установить. Таким образом, российские мыслители расходились в том, какими должны быть условия для самореализации человека, споря об иерархии и должном балансе между негативной и позитивной свободой, зачастую отдавая предпочтение последней. Отношение российских либералов к насильственным методам, государственному невмешательству и прогрессивным реформам (как способам достижения этой свободы) также не было единообразным и эволюционировало сообразно конкретным историческим событиям, пронесившимся перед ними с калейдоскопической скоростью¹². По этим причинам российские либеральные деятели считали себя вправе выбирать из либеральных идей «собственный репертуар», а реализация их идей в ряде случаев пересекалась со стремлениями правых консервативных (обеспечение порядка в государстве в период революционных брожений) и левых (установление социальной справедливости) партий.

Как следствие, в момент трансформации либерального философского течения в общественно-политическое движение российские либеральные мыслители (значимая их часть — кадетская партия, возглавляемая П. Милюковым) обнаружили себя левыми центристами в российском политическом ландшафте. Это положение ставило перед ними ряд практических дилемм в процессе претворения их теоретических моделей в жизнь. С одной стороны, они находились в оппозиции к правительству. С другой стороны, до революции 1905 года считали лучшей стратегией компромисс и сотрудничество с властью, не приемля насильственные методы, предлагаемые социалистами-революционерами. Сами участники событий, описывая их *post factum*, характеризовали попытки достижения разумного компромисса между признанием личных свобод и общественным благополучием, установления общественного строя, основанного на верховенстве права и соблюдении гражданских свобод, выбранными средствами как «бессмысленные мечтания» и «неправдоподобные утопии»¹³.

В этом контексте высвечивается двойственность положения А. Н. Мандельштама. С одной стороны, он дипломат, сотрудник Министерства иностранных дел, очевидно транслирующий интересы Российской империи, с другой, — носитель либеральных ценностей. В силу выбранной профессии либеральная идея верховенства права играла для него существенную роль.

II. Петербург-Константинополь: дипломатическая карьера

С начала 1900-х годов доктор права А. Н. Мандельштам начинает активно включаться в решение вопросов международной политики в качестве дипломатического представителя Российской империи. В этот период он отдает свое время решению практических задач и не занимается научными исследованиями или теоретизацией полученного опыта. В 1904 году А. Н. Мандельштам становится ассоциированным членом Института международного права¹⁴. Имея постоянное назначение в миссии на территории Османской империи, Мандельштам принимает участие и в других значимых событиях международно-правовой жизни.

Гулльский инцидент и Вторая Гаагская конференция

В 1905 году Андрей Николаевич включается в работу по расследованию Гулльского инцидента — его назначают одним из советников российского правительства при Парижской комиссии¹⁵. Речь идет о происшествии в Северном море, имевшем место в начале русско-японской войны. Вторая Тихоокеанская эскадра под командованием вице-адмирала З. П. Рожественского обстреляла британские рыбацкие суда, приняв их за корабли неприятеля. Желая мирно урегулировать конфликт, Российская империя взяла на себя ответственность за действия командования эскадры и понесла таким образом репутационный ущерб¹⁶. Мандельштам отмечал важность самого факта создания Комиссии, поскольку ее деятельность позволила применить модель международного арбитража к

¹² Рэмптон В. Указ. соч. С. 37, 49, 113–144.

¹³ Бердяев Н. А. *Новое Средневековье. Размышление о судьбе России и Европы*. Берлин : Обелиск, 1924. С. 62-63. Цит. по: Рэмптон В. Указ. соч. С. 11.

¹⁴ *Annuaire Institut de Droit International*. 1950. №43 (II). Germany: Schmidt Periodicals GMBH, 2000. P. 482 URL: https://www.idi-iil.org/app/uploads/2017/05/4025-43B_OCR-min.pdf (дата обращения: 18.03.2024).

¹⁵ Подробнее об этом: Mandelstam A. *La Commission Internationale D'Enquete Sur L'Incident De La Mer Du Nord*. *Revue générale du droit international public*, 1905.

¹⁶ Dogger Bank Incident, *The Argus* (Melbourne, Vic.: 1848–1957). 15 February 1905. P. 5.

вопросам уголовного права и привлечь к ответственности лиц, нарушивших нормы международного права¹⁷.

В 1905 году в России происходит революция. Закончившись поражением, она тем не менее изменила облик империи и жизнь ее подданных. За революцией последовала некоторая демократизация политической системы¹⁸. Этот период, частично совпавший с Серебряным веком русской культуры, называют кульминацией либерального общественно-политического движения в Российской империи.

Даже в условиях внутривнутриполитической нестабильности во внешней политике Российская империя оставалась великой державой, играющей ключевую роль в международных отношениях. Так, Российская империя стояла у истоков Гаагских мирных конференций и принимала особо деятельное участие во Второй мирной конференции, проходившей в 1907 году и посвященной разработке законов и обычаев войны. Манделъштам участвовал в ней в статусе секретаря российской делегации¹⁹. Итоги Конференции ощутимо повлияли на правовые воззрения Манделъштама. Андрей Николаевич горячо приветствовал идею создания постоянного международного суда, но Вторая конференция отложила реализацию этого проекта²⁰. Позднее он опишет ее как мирное состязание умов, в котором государства, чтущие закон и ставящие его выше грубой силы (в том числе страны Антанты), проиграли Германии, сопротивляющейся любому международному порядку. Германия не позволила создать международный суд, решения которого являлись бы обязательными для государств. Мирная борьба, как пишет Манделъштам, за новое право человечества закончилась, и скоро начнется другая — железом и огнем²¹.

Кроме того, в 1912 году А. Н. Манделъштам был назначен одним из полномочных представителей Российской империи на конференции в Христиании, посвященной работе по вопросу международного статуса Шпицбергена²².

Постоянная служба в Османской империи и армянские реформы

В 1903 году Манделъштам назначается управляющим русскими консульствами в Ускубе и Монастыре, территориях Македонии, входивших в состав Османской империи²³. В этот период ситуация в регионе была не самой простой: противостояние христианского и мусульманского (преимущественно албанского) населения в Македонии и Старой Сербии достигло своего пика. Так, например, в год назначения Манделъштама на должность управляющего в Битоли (Македония) был убит албанцем консул Российской империи А. А. Ростовский. Будучи консулом, Андрей Манделъштам так описывал царившую в турецком вилайете обстановку:

Положение дел в восточной части Ускубского вилайета может быть охарактеризовано одним словом — «анархия». Мусульманское население продолжает по-прежнему смотреть на христиан, как на беззащитных рабов, жизни и имущество которых находятся в их полном распоряжении²⁴.

Османская империя в рассматриваемый период объединяла немалое количество территорий и этнических общностей: турки, арабы, армяне, греки, курды, черкесы и др. По этой причине одной из острых внутривнутриполитических проблем для Османской империи на протяжении столетий оставались межнациональные и межрелигиозные конфликты. Проиграв Русско-турецкую войну 1877–1878 годов, империя переживала экономический кризис. Внешнеполитические проблемы усугублялись комплексом внутренних проблем, вызывавших большое социальное недовольство, и общим ужесточением политической линии.

Для понимания исторического контекста важно отметить, что на протяжении второй половины XIX века европейские державы активно продвигали идею дипломатического урегулирования межнациональных противоречий, существовавших в Османской империи. Так, секретное

¹⁷ Lemnitzer J.M. *International Commissions of Inquiry and the North Sea Incident: A Model for a MH17 Tribunal?* // *European Journal of International Law*. 2016. Vol. 27. № 4. P. 940.

¹⁸ Ясько Т. Н. *Первая русская революция 1905–1907 гг.* // Россия и АТР. 2005. № 4. С. 153–156.

¹⁹ Mandelstam A. *Le Sort de l'Empire Ottoman...* P. 461.

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid.

²² BnF Gallica // *Revue Générale de Droit International Public*. 1913. P. 20. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k734874/f23.item> (дата обращения: 02.03.2024).

²³ Лопухин В. Б. *Записки бывшего директора департамента Министерства*. СПб. : Нестор-История, 2008. С. 482.

²⁴ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1903. Д. 1475. Л. 241—241 об.; Македония. Сборник от документи и материали. София, 1978. С. 456. в работе http://www.promacedonia.org/as4/as_1_2.htm (дата обращения: 02.03.2024).

Рейхштадтское соглашение между Россией и Австро-Венгрией было призвано защитить христианское население Турции и включало проект административной реформы в Боснии и Герцеговине²⁵. Сан-Стефанский прелиминарный мирный договор 1878 года, замененный впоследствии Берлинским трактатом 1878 года, помимо положений о признании Турцией независимости Болгарии, Сербии и Черногории, обязывал Турцию провести реформы в других регионах. Статья XVI касалась территорий, на которых проживали армяне²⁶. Положения об административных реформах в Османской империи содержал и Берлинский трактат²⁷. В частности, статья 61 интернационализировала вопрос об обращении с армянами в Османской империи, и он начал регулярно фигурировать в восточной политике великих держав. В этот период армяне, как и другие меньшинства, выступали скорее объектом участия, чем активными участниками усилий по улучшению своего положения. Так, на Берлинском конгрессе армянская делегация тщетно пыталась получить гарантии проведения реформ²⁸.

Султан Абдул-Хамид пришел к власти в 1876 году. В первый же год правления он распустил парламент и свернул реформы Танзимата (1839–1876 годов), которые были построены на провозглашении гарантий неприкосновенности жизни, достоинства и имущества каждого человека вне зависимости от его вероисповедания. В этот период были проведены заметные военная, административная и судебная реформы. В основу реформ Танзимата лег хатт-и-хумаюн (высочайший указ) 1856 года: мусульмане и не-мусульмане уравнивались в вопросах военной службы, отправления правосудия, налогообложения, поступления в гражданские и военные учебные заведения, в социальной сфере, а также при приеме на государственную службу²⁹. Последний период реформ пришелся на правление султана Абдул-Азиза.

Мандельштам резко критиковал Абдул-Хамида³⁰. При нем, пишет Мандельштам, все реформы были сведены на нет: провинциальное самоуправление существовало лишь номинально, население было обложено незаконными налогами, пресса подвергалась жесткой цензуре. О результатах правления Абдул-Хамида Мандельштам высказывается однозначно:

Сотни тысяч несчастных армян, зарезанных в конце 90-х годов по личному приказанию Абдул-Хамида, десятки тысяч македонцев, погибших от рук мучителей, действовавших по его же указке и наущению, свидетельствуют перед историей об истинном отношении Абдул-Хамида к своим турецким подданным³¹.

Мандельштам, как и многие в этот период, возлагал определенные надежды на приход к власти представителей младотурецкого движения. С некоторыми из них он был знаком лично со времен учебы в Париже. Младотурецкое правление обещало поворот империи к демократическим преобразованиям и давно назревшим реформам. Однако этнические общности, поначалу поддерживавшие младотурок, довольно быстро превратились в их политических оппонентов³², что

²⁵ Pribram A. F. *The secret treaties of Austria-Hungary*. Vol. II. Harvard, 1921. P. 188–191.

²⁶ Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917) / Государственное издательство политической литературы, 1952. С. 159–175. Статья XVI: «Ввиду того, что очищение русскими войсками занимаемых ими в Армении местностей, которые должны быть возвращены Турции, могло бы подать там повод к столкновениям и осложнениям, могущим вредно отразиться на добрых отношениях обоих государств, — Блистательная Порты обязуется осуществить, без замедления, улучшения и реформы, вызываемые местными потребностями в областях, населенных армянами, и оградить безопасность последних от курдов и черкесов.» Эта статья вызвала опасения британского правительства под руководством консервативного премьер-министра Дизраэли об увеличении влияния России на востоке Турции, что привело к подписанию 4 июня 1878 года «Кипрской конвенции» («Конвенции об оборонительном союзе») между Великобританией и Турцией, в которой Великобритания гарантировала целостность османских восточных территорий в обмен на управление Кипром и обещание султана «провести необходимые реформы, которые будут согласованы позже между двумя державами... для защиты христианских и других подданных Порты на этих территориях». Dussen W. J. van der. *The Question of Armenian Reforms in 1913–1914* // *Armenian Review*. 1986. Vol. 1. № 39. P. 12.

²⁷ Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917) / Государственное издательство политической литературы, 1952. С. 181–206, статья LXI: «Блистательная Порты обязуется осуществить, без дальнейшего замедления, улучшения и реформы, вызываемые местными потребностями в областях, населенных армянами, и обеспечить их безопасность от черкесов и курдов. Она будет периодически сообщать о мерах, принятых ею для этой цели, державам, которые будут наблюдать за их применением».

²⁸ Dussen W. J. van der *Op.cit.* P. 11–28. Westenenk L. C. *Diary Concerning the Armenian Mission 1914* // *Armenian Review*. 1986. Vol. 1. № 39. P. 29–79.

²⁹ Davison R. *Reform in the Ottoman Empire, 1856–1876*. Princeton : Princeton University Press, 1963. P. 55.

³⁰ Мандельштам А. Н. *Младотурецкая держава: Историко-политический очерк* / А. Н. Мандельштам. Москва : типо-литография товарищества И. Н. Кушнерев и К, 1915. С. 6.

³¹ Там же. С. 4–5.

³² Mandelstam A. *Le Sort de l'Empire Ottoman...* P. 8.

усугубило межэтнические и межрелигиозные противоречия³³. К тому же после младотурецкой революции в Османской империи оставалось немало сторонников свергнутого султана. Антиреволюционный мятеж стамбульского гарнизона в 1909 году послужил катализатором Киликийской резни — трагедии в вилайете Адана, унесшей жизни тысяч армян. Несмотря на подавление мятежа в короткий срок, новости о нем дошли до Аданы (одноименного города), обострив межэтнические столкновения, быстро переросшие в масштабные погромы, поджоги и убийства³⁴.

В период с 1909 по 1912 год А. Н. Мандельштам был арбитром в споре между Россией и Турцией, рассматриваемом в рамках Постоянной палаты Третейского правосудия. Помимо турецких коллег, арбитром в этом деле также выступал барон фон Таубе³⁵. Дело касалось обязательства Турции компенсировать Российской империи убытки российских подданных, понесенные в ходе войны 1877–1878 годов. Турецкая сторона не оспаривала сумму убытков, но отложила их выплату более чем на двадцать лет. В связи со столь длительной отсрочкой платежа Россия требовала выплаты процентов. Стороны согласились передать спор на рассмотрение в арбитраж. Трибунал постановил, что проценты могли бы быть присуждены в теории, однако, так как Россия и Турция все это время вели дипломатическую переписку и Россия не заявляла требование о выплате процентов, то поведение российской стороны должно быть истолковано как отказ от права требования. В итоге трибунал отказал России в требовании о взыскании процентов³⁶.

Как знаток региона, в 1913 году Мандельштам становится делегатом в Международной комиссии о реформах в турецкой Армении³⁷. Сблизившись с К. Н. Гулькевичем, временным поверенным в делах России в Константинополе, Мандельштам сыграл ведущую роль в переговорах по проекту реформ в Османской Армении в 1912–1914 годах, в частности в качестве советника посла де Гирса³⁸ и составителя проекта, предложенного Османской империи. Хотя проект, состоящий из 22 статей, и не был реализован, он представляет интерес своей масштабностью и детальной проработанностью. К лету 1913 года шесть вилайетов — Эрзерум, Ван, Битлис, Диарбекир, Харпут и Сивас — должны были быть организованы в одну провинцию, управляемую османским христианином или, лучше всего, европейцем, назначенным султаном на пять лет с одобрения великих держав. Его власть была бы значительной: он становился во главе всех административных чиновников и полиции, и по требованию в его распоряжение предоставлялись военные силы для поддержания порядка в провинции. Генерал-губернатору помогал бы консультативный совет из мусульман, христиан и европейцев, а провинциальное собрание состояло бы из равного числа мусульман и христиан³⁹. Вопрос о дальнейшем административном делении предполагалось основывать на существующих международных договорах⁴⁰, не нарушая хрупкой стабильности:

...Почти все нынешние требования армян в области правосудия — об организации... гражданской, а не духовной, юстиции, о введении в состав судов членов — от христианского и мусульманского населения — были уже признаны справедливыми европейской комиссией в 1880⁴¹ году и тремя Послами в 1895 году⁴². Сверх того, начало участия в судах мусульман и христианских заседателей содержится в самом турецком законодательстве (Указы 1875 и 1902 годов)⁴³.

³³ Введ. А. Н. Мандельштама // *Турция и пантурсизм* / под ред. Зареванда. Париж, 1930. С. 6–9.

³⁴ Шакарянц С. Э. *Геноцид армян 1915–23 гг. и геополитика* // Регион и мир. 2015. Т. IV. № 1–2. С. 3–20.

³⁵ Russian Claim for Interest on Indemnities (Russia / Turkey), PCA Case No. 1910–02, Award, 11 November 1912.

³⁶ Там же. С. 16.

³⁷ Грабарь В. Э. *Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917)*. М.: Зерцало, 2003. С. 398.

³⁸ Ежегодник Министерства иностранных дел 1914 // Министерство иностранных дел, 1914. С. 55. URL: <http://elibrary.ru/nodes/74115-1914-51-y-god-ispravleno-i-dopolneno-po-8-dekabrya-1913-g-1914#mode/inspect/page/99/zoom/6> (дата обращения: 02.03.2024).

³⁹ Mandelstam A. *Le sort de l'Empire Ottoman...* P. 218–222. С учетом нежелания Турции проводить точечные реформы в отдельных вилайетах был принят компромиссный сокращенный план реформ. Подробнее об этом: Dussen W. J. van der. *Op.cit.* P. 11–28.

⁴⁰ Амбарцумян К. Р. *Проблема реформирования армянских вилайетов Турции в политике великих держав в 1908–1914 гг.* // История: факты и символы. 2021. Т. 29. № 4. С. 51–60.

⁴¹ Скорее всего, речь идет о работе Европейской комиссии в рамках Берлинской конференции, где обсуждались вопросы установления греко-турецкой границы и, в очередной раз, административного реформирования Турции.

⁴² В свете массовых убийств армян — Хамидийской резни 1894–1896 годов — послы Британии, Франции и России предложили создать комиссию по расследованию произошедшего на турецкой территории. Предложение было отклонено Османской империей, однако европейским представителям разрешили принять участие в слушаниях в качестве наблюдателей. После этого в мае 1895 года послы направили султану меморандум и проект административных реформ, в числе которых было объединение армянских областей.

⁴³ Архив внешней политики Российской империи. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 3733.

Уже на этом этапе А. Н. Мандельштам выступает если не за предоставление равных прав меньшинствам, то за определение минимального стандарта, который с учетом исторических особенностей устанавливался бы для каждой этнической общности. В статье на французском языке «Российская политика в Турецкой Армении накануне Великой войны» 1935 года (фр.: *La politique russe en Arménie turque à la veille de la Grande Guerre*) он пишет о проекте реформы управления вилайетов в Турции, а также подвергает критике понятие «суверенитет», настаивая на ошибочности его абсолютизации, приводящей к попранию прав человека и человека как такового⁴⁴.

Принимая во внимание обширный опыт, полученный на международно-правовом и дипломатическом поприщах, по воспоминаниям знавшего его лично современника Михайловского, А. Н. Мандельштам надеялся на получение должности «начальника Юрисконсультской части МИД»⁴⁵. Однако, несмотря на двадцатипятилетний опыт, предпочтение было отдано Нольде из-за «суеверного взгляда начальства в отношении несчастливой руки Андрея Николаевича»⁴⁶.

Осенью 1914 года А. Н. Мандельштам вернулся в Россию: дипломатический диалог с Османской империей, вступившей в войну на стороне Тройственного союза, был разорван. Никакого международного механизма воздействия на урегулирование межэтнических проблем в Османской империи не осталось, а ранее достигнутые договоренности о реформировании турецких вилайетов, где проживало армянское население, были аннулированы. В частности, такая судьба постигла Соглашение о проведении реформ в Армении, заключенное К. Н. Гулькевичем и Саид-Халимом⁴⁷ 26 января 1914 года⁴⁸.

Параллельно с этим Османская империя под руководством младотурок сменила идеологический курс с османизма на пантуранизм (позднее пантюркизм), предполагающий ориентацию на тюркское население империи. Не готовые пойти на децентрализацию власти младотурки прибегли к репрессивным методам, жертвами которых становились не только иноверцы, но и желающие автономии мусульмане (албанцы и арабы). Пришедшие к власти в партии «Единения и прогресса» (партия младотурок) пантуранисты выступали за ассимиляцию или, в случае сопротивления, очищение империи от нетурецкого населения. Именно такую стратегию предложил один из ведущих идеологов «Единения и прогресса» Зия Гёкалп в работе «Основы тюркизма»⁴⁹.

Начало Первой мировой войны сопровождалось репрессиями против армянского населения: массовые аресты, убийства армянских политических и общественных деятелей, представителей интеллигенции и промышленников в Константинополе. С 1915 года карательные акции против армянского населения охватили всю территорию Турции. Цифры жертв массовых убийств в современной историографии сильно разнятся: от сотни тысяч до полутора миллионов убитых⁵⁰. После окончания Первой мировой войны Зия Гёкалп был задержан союзными войсками, вошедшими в Константинополь. Ему выдвинули обвинения как политическому деятелю, причастному к антиармянской агитации, повлекшей массовую резню в вилайетах⁵¹.

В этот период Мандельштам совмещал научную деятельность и дипломатическую работу, в большей степени концентрируясь на последней. О нехватке времени на науку он пишет в одном из писем к дорогому другу Борису Нольде, сетуя на большую загруженность по службе⁵². Фундаментальные тексты, благодаря которым он стал известен как теоретик международного права, А. Н. Мандельштам напишет позже. Самыми заметными работами петербургского и константинопольского периодов можно считать две статьи о младотурецком движении, вышедшие в нескольких выпусках журнала «Русский мир» в 1915 году. Впоследствии эти статьи станут первыми главами большого труда «Судьба Османской империи».

⁴⁴ Mandelstam A. *La politique russe en Arménie turque à la veille de la Grande Guerre* // Le Monde Slave. 1935. № II. P. 339.

⁴⁵ Михайловский Г. Н. *Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг.* Книга 1. М. : Международные отношения, 1993. С. 84.

⁴⁶ Там же. С. 89, 91–92.

⁴⁷ Великий визирь Османской империи, а также исполняющий обязанности генерального секретаря партии «Единение и прогресс». Считается одним из государственных деятелей, ответственных за начавшиеся в 1915 году массовые убийства армянского населения.

⁴⁸ Сборник дипломатических документов. Реформы в Армении. П., 1915; Сб. договоров России с др. гос-вами (1856–1917). М., 1952.

⁴⁹ Введ. А. Н. Мандельштама // *Турция и пантуранизм* / Зареванд. С. 4.

⁵⁰ Шакарянц С. Э. *Указ. соч.* С. 12–13.

⁵¹ Heyd U. *Foundations of Turkish Nationalism. The Life and Teachings of Ziya Gökalp*. London : The Harvill Press, 1950. P. 37.

⁵² РГИА Ф. 727 Оп. 2 Д. 346 «Письма Мандельштама Г. Н., драгомана посольства в Константинополе, о своей научной работе в области международного права, публикации статей; II мирной конференции, политике России на Балканах, о сессиях института международного права (в Генте и Мадриде), о Шпицбергенской комиссии. 23 п».

III. Права человека: от теоретизации к универсализации

В 1916 году Андрей Мандельштам находился в Швейцарии, будучи прикрепленным к российской миссии по делам военнопленных⁵³: по официальным данным — для научной работы за границей, по другим — задачей поездки было ведение переговоров⁵⁴ с турецкой оппозицией⁵⁵.

В апреле 1917 года Временное правительство назначило Мандельштама, несмотря на его пребывание за границей, директором правового департамента МИД⁵⁶. Приняв назначение, Мандельштам не спешил вернуться в Россию. А. И. Шеремет со ссылкой на личные бумаги военно-морского атташе России в Константинополе А. И. Щеглова пишет, что А. Н. Мандельштам, с которым Щеглов находился в дружеских отношениях, «летом 1917 года порвал предписание из Петрограда и отправился приватным образом в Париж, куда, как оказалось, еще в 1913 году перевел деньги из банка в Петербурге, а потом и те, что получал в [Константинополе]... из кассы российского посольства»⁵⁷. Большевицкая революция и вовсе сделала возвращение Мандельштама невозможным⁵⁸.

Известный нам адрес Мандельштама в Париже находится в нескольких кварталах от Триумфальной арки: авеню Поля Деруледа, 5, Нейи-сюр-Сен⁵⁹. Сегодня в этом здании расположен четырехзвездочный отель.

Права меньшинств и права человека: теоретизация

В эмиграции А. Н. Мандельштам продолжил научную, политическую и просветительскую деятельность. Сам он отзывался о себе как о «русском либерале»⁶⁰. Именно его авторству принадлежит один из первых формальных проектов претендующей на универсальность декларации прав человека, разработанный и представленный в Институте международного права.

На этот период приходятся его основные теоретические разработки в области прав человека. Речь идет о работе «Судьба Османской империи», в которой рассматривается заключительный период ее существования со всеми присущими ему внутривосточными противоречиями и проблемами. В ней Мандельштам также формулирует собственную нормативную теорию международного права. Во введении Мандельштам пишет, что хотя книга и изобилует историографическими фактами, она преследует конкретную юридическую цель установления режима защиты прав человека. На первых же страницах Мандельштам раскрывает свой основной посыл⁶¹: «...Мы верим только в один абсолютный суверенитет, провозглашенный Мирабо⁶², — суверенитет права. Мы считаем, что международное право стоит выше права государства, а право человека — выше обоих».

Разрабатывая теорию международного права в рамках либеральной традиции, Мандельштам прямо пишет о себе как о либерале и «сыне великой свободной России» (фр.: *filis enfin de la grande*

⁵³ Kévonian D. *Exilés politiques et avènement du «droit humain»: la pensée juridique d'André Mandelstam (1869–1949)* // Revue d'Histoire de la Shoah. 2002. Vol. 177–178. P. 258.

⁵⁴ Лопухин В. Б. Указ. соч. С. 482.

⁵⁵ Можно предположить, что под турецкой оппозицией подразумеваются представители арабского освободительного движения, на момент Первой мировой войны фактически открыто выступившего против правительства Порты. С другой стороны, речь может идти о партии «Свобода и согласие», выступавшей против младотурецкого правительства.

⁵⁶ Решение о назначении А. Н. Мандельштама директором Правового департамента было принято Временным правительством 8 апреля 1917 года (Журналы заседаний Временного правительства. Март – октябрь 1917 года В 4 т. Март–октябрь 1917 года Т. 1 Отв. ред. тома Б. Ф. Додонов, 2001. С. 260). В этот период его предшественник Б. Нольде занимает пост товарища министра иностранных дел, которым на тот момент являлся П. Н. Милюков, входит в Юридическое совещание Временного правительства и Особого совещания по выработке закона о выборах в Учредительное собрание, в октябре 1917 года — в состав Временного совета Российской республики (Предпарламента).

⁵⁷ Российский государственный архив Военно-Морского Флота, Генеральный Морской штаб, ф. 418: Турецкий стол, д. 418; Иностранная статистика, д. 4260; Общее состояние турецкой армии. 1914, д. 4225; ф. 898, Иностранная статистика. Записка 8-го отдела морского штаба Турции «На случай войны с Россией». 1914; Личные бумаги капитана 2 ранга А. Н. Щеглова, оп. 1, д. 22; ф. 432, Прохождение службы А. Н. Щегловым, оп. 5, д. 9217. Цит. по Шеремет В. И. *Селим-Ага «Дикарь», Толмач или военно-морской атташе России* // Военно-исторический журнал. 1994. № 7. С. 65.

⁵⁸ Шеремет В. И. Указ. соч. С. 65; Комнатная Ю. А. *Судьба и правовое наследие ученого и дипломата Андрея Николаевича Мандельштама (1869–1949). К 140-летию со дня рождения* // Ленинградский юридический журнал. 2009. № 4. С. 193–202; Иваненко В. С. *Санкт-Петербургская школа международного права: Место и роль Санкт-Петербургского университета, его ученых и выпускников в становлении и развитии науки и практики международного права*. 2-е изд. Санкт-Петербург: Юридический центр, 2020 // Лань: электронно-библиотечная система. URL: <https://e.lanbook.com/book/354854> (дата обращения: 18.03.2024). С. 269.

⁵⁹ 5 Avenue Paul Déroulède à Neuilly-sur-Seine, Hôtel le 5 Particulier URL: <https://www.le5particulier.com/> (дата обращения: 15.03.2024).

⁶⁰ Mandelstam A. *Le Sort de l'Empire Ottoman*. P. v.

⁶¹ Ibid. P. 8.

⁶² Оноре Габриель Рикети Мирабо — один из главных деятелей Великой французской революции, предлагавший реформирование французского политического строя в соответствии с либеральными началами.

Russie libre)⁶³. Его теория международного права может быть в общих чертах сведена к следующему: государства в оптимистичном будущем станут равноправными членами справедливого сообщества, основанного на общих ценностях и верховенстве права. Конфликты между ними будет разрешать постоянно действующий международный суд, применение силы и насильственное вмешательство в дела других государств будет возможно для понуждения к обеспечению минимального уровня прав, требуемого для саморазвития общества внутри государства. Минимальный набор прав человека в его представлении должен быть установлен международным правом. Мандельштам в традиции своего времени принимал за аксиому идею о том, что одни государства в большей степени продвинулись на пути саморазвития, чем другие, и именно первые должны были гарантировать защиту прав человека. Одновременно с этим, опыт Российской и Османской империй в послереволюционный период, а также Германии в преддверии Первой мировой войны показывал, что «просвещенные» государства могут радикализироваться. По этой причине право на вмешательство должно было распространяться и на них в случае, если они серьезным образом нарушали права человека, — это право играло существенную роль в теории А. Н. Мандельштама.

Взгляд Мандельштама на турецкий вопрос и положение национальных меньшинств в Османской империи при этом сочетает в себе не только либеральный подход, сформулированный в диалоге между российским опытом и западными идеями, но и точку зрения дипломатического представителя Российской империи, для которой, как известно, «восточный вопрос» долгое время был, выражаясь обыденным языком, болевой точкой.

В «Судьбе Османской империи», увидевшей свет в 1917 году, Мандельштам ставит конкретный правовой вопрос: какова должна быть политика держав после победы над Османской империей? Рассуждая о возможности существования Османской империи и перспективе ее распада, автор не использует нейтральные обороты:

Позволяет ли торжествующее сегодня право сохранить тот позор человечества, которым ныне является Османская империя? Следует ли цивилизованным державам ограничиться постоянным коллективным вмешательством, более интенсивным, чем до сих пор, в турецкие дела и доходящим до постоянного контроля над империей, или же все должно прийти к полному распаду составного государства на его турецкие, армянские, арабские, сирийские и другие элементы?⁶⁴

Мандельштам стремится, абстрагировавшись от вопросов исторического и политического характера, разобраться в том, какие санкции могут быть наложены на государство за преступления против человечности в рамках формирующегося международного права, и на чем может основываться право вмешательства в дела Турции. Для ответа на этот вопрос Мандельштам выделяет три ключевые проблемы: (1) теоретическое обоснование права на гуманное вмешательство (в современных терминах — гуманитарная интервенция); (2) условия применения этого права; и (3) применение этого права к обстоятельствам в Османской империи⁶⁵.

Отвечая на первый вопрос, Мандельштам прослеживает историю формирования права на вмешательство на примере «восточного вопроса» и используемых в договорах с Турцией формулировок. Он отмечает, что в отношениях европейских держав и Османской империи практика вмешательства не нова. Так, в 1827 году Россия, Франция и Англия вмешивались во внутреннюю турецкую политику в связи с обострившейся ситуацией в Греции и убийствами эллинского населения⁶⁶. Отказ Турции от исполнения Лондонской конвенции⁶⁷ привел к Наваринскому сражению⁶⁸, где турецкий флот был разгромлен союзными силами. Коллективное вмешательство в этом случае основывалось общей заботой о мире в Европе и принципом гуманности в самом широком смысле этого слова. В Лондонской конвенции положения о гуманности робко упоминаются в конце, после перечисления политических причин. Однако уже в протоколах Парижских конференций 1860

⁶³ Mandelstam A. *Le Sort de l'Empire Ottoman*. P. IV.

⁶⁴ Mandelstam A. *Le Sort de l'Empire Ottoman*. P. 414.

⁶⁵ Ibid.

⁶⁶ Ibid.

⁶⁷ Лондонская конвенция, подписанная Россией, Англией и Францией в 1827 году, в которой предусматривалось коллективное посредничество в области урегулирования конфликта между Османской империей и восставшими против турецкого господства греками.

⁶⁸ Морское сражение, произошедшее 20 октября 1827 года во время Греческой войны за независимость в Наваринской бухте Ионического моря. В битве столкнулись объединенная эскадра России, Англии и Франции, с одной стороны, и турецко-египетский флот — с другой. Победа, одержанная объединенной эскадрой, обеспечила поддержку греческого национально-освободительного движения.

года и условиях французской экспедиции в Сирию того же года соображения гуманности формулируются более четко. В Протоколе от 3 августа 1860 года прямо указывается, что Россия, Великобритания, Франция и Пруссия «не намерены добиваться при выполнении своих обязательств (в отношении защиты интересов христианского сирийского населения — *авт.*) каких-либо территориальных преимуществ, какого-либо исключительного влияния или каких-либо уступок»⁶⁹: идея вмешательства из соображений гуманности превалирует над политическим интересом. По мнению Мандельштама, со второй половины XIX века принцип гуманности, легитимирующей вмешательство, закрепляется в международных договорах и общей риторике ключевых акторов. Так, статьи 61 и 62 Берлинского трактата⁷⁰ закрепляют «право официального покровительства», то есть право на вмешательство со стороны дипломатических и консульских агентов европейских держав на гораздо более прочной основе, чем в более раннем Парижском договоре⁷¹. Хотя после младотурецкой революции Османская империя денонсировала Парижский договор и Берлинский трактат, закреплявшие право Европы на вмешательство, Мандельштам уверен, что акт денонсации для права вмешательства несущественен, поскольку право наций черпает свои основания не только из формальных договоров, но и из этических принципов:

Для нас право на участие в жизни человечества имеет основу, независимую от международных договоров, которые никогда не смогут его создать, а только констатируют, придавая ему внешнее закрепление⁷².

В качестве момента, когда в международных отношениях доктрина невмешательства во внутренние дела государств, подразумевающая абсолютизацию понятия суверенитета в ущерб принципам гуманности и права, получила особенную популярность, он называет создание и действия Священного союза. Мандельштам уверен, что абсолютным суверенитетом должно обладать не государство, а право⁷³. Мандельштам далее рассуждает о сформировавшейся в немецкой мысли того периода концепции абсолютного суверенитета, которую он называет не оборонительной, а наступательной. Предметом его критики становятся взгляды Пауля Лабанда⁷⁴, считавшего, что в понятии государства сливаются властные действия и их правовая легитимация. По Лабанда, политический процесс определяется как проявление государственной воли, облеченной в правовую форму и, следовательно, вписанной в институциональную систему. Само государство из правовых отношений исключено, оно выступает как некая «надструктура». Опровергая его аргументы, Мандельштам отмечает, что политические процессы в таком ключе рассмотрения не учитывают социальный и культурный контексты. Со ссылкой на голландского юриста Гуго Краббе⁷⁵, он утверждает абсолютный суверенитет права. И для Краббе, и для Мандельштама право глубоко морально. Легитимация права коренится не в воле или обычае, а в его моральной значимости. Общей целью права является достижение максимальной духовной жизни сообщества⁷⁶.

Важным для понимания международно-правовых идей Мандельштама является термин «сообщество» (с фр. «*société*»). Теория естественного права не предполагает прогресса, поскольку законы природы являются неизменными и универсальными принципами. В рамках теории естественного права государства рассматриваются как индивиды в естественном состоянии, каждый из которых обладает естественными и абсолютными правами, в том числе, независимостью⁷⁷. Основная цель сообщества, в свою очередь, заключается в развитии жизни людей, в том числе, духовном. Государство рассматривается как воплощенная цель сообщества. Ни одному государству не удастся достичь этой общей цели международного сообщества, поскольку каждое государство —

⁶⁹ Mandelstam A. *Le Sort de l'Empire Ottoman...* P. 415.

⁷⁰ Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917) / Государственное издательство политической литературы, 1952. С. 181–206.

⁷¹ Mandelstam A. *Le Sort de l'Empire Ottoman...* P. 415.

⁷² Ibid. P. 422.

⁷³ Ibid. P. 422–423.

⁷⁴ Ibid. P. 424.

⁷⁵ Профессор университета Гронингена, а с 1908 и до выхода на пенсию в 1927 — профессор университета Лейдена. В своей теории Краббе обосновывал силу закона наличием у человека такого нормативного чувства как «правосознание».

⁷⁶ Mandelstam A. *Le Sort de l'Empire Ottoman...* P. 425.

⁷⁷ Reeves J. S. *International Society and International Law // The American Journal of International Law*. 1921. Vol. 15. № 3. P. 363–364.

лишь часть человечества⁷⁸. Таким образом, каждое государство обладает лишь относительной ценностью по отношению ко всему человечеству:

Абсолютная ценность может быть приписана только цели сообщества, охватывающей всех людей. И именно эта абсолютная цель решает, должна ли общая цель для части человечества достигаться отдельным государством и в какой степени. Вся правосубъектность государства уходит корнями в международное право, на котором, в конечном итоге, основана юрисдикция государства⁷⁹.

Международное право делает возможной реализацию цели сообщества *цивилизированных* — объединенных общими ценностями — народов, достижению этой же общей цели подчинены и цели более мелких сообществ, то есть государств. Сам Мандельштам соглашается с тем, что концепция суверенитета содержит в своем ядре неоспоримую идею негативной свободы народа, движущегося в пределах своего абсолютного суверенитета. Его границы, тем не менее, должны определяться кодифицированным международным правом.

Разрабатывая собственную теорию, Мандельштам не только вступает в диалог с европейскими мыслителями, но и активно ссылается на коллег по Петербургскому университету. По мнению Мандельштама, Ф. Ф. Мартенс пытался примирить принципы суверенитета и международного общения, но с заметной тенденцией подчинить вторые первым. В «Международном праве цивилизованных народов» Ф. Ф. Мартенс пишет, что идея суверенитета не может лежать в основе международного права, поскольку эту неминуемо приведет к произволу:

Такой порядок, очевидно, не может иметь своим верховным принципом суверенную независимость каждого отдельного государства, ибо это начало неминуемо приводит к господству и оправданию противных праву исключительных интересов в области международных отношений. В основу научной системы современного международного права должна быть положена идея международного общения, согласно которой каждое самостоятельное государство есть органическая часть единого целого, связанная с другими государствами общностью интересов и прав⁸⁰.

Вместе с тем, Мартенс, по мнению Мандельштама, не до конца отказывается «от преданного поклонения идолу суверенитета государств»⁸¹. Мартенс отстаивает тезис, что мирная международная жизнь и международное право основываются на международном общении, которое он определяет как «свободный союз государств для достижения общими действиями полного развития своих сил и удовлетворения своих разумных потребностей»⁸². Не согласен Мандельштам и с тем, какое место Ф. Ф. Мартенс отводит правам человека. Верный своей теории, Мартенс выводит права человека из соглашений цивилизованных государств, определяя уважение личности и соблюдение прав человека как необходимые черты современных государств. Этот тезис Мандельштам критикует с опорой на историю: если бы ситуация действительно обстояла так, то не было бы ни депортированных немцами французов и бельгийцев⁸³, ни убитых турками армян⁸⁴. Не согласен Мандельштам с Мартенсом и в вопросе принципиальной недопустимости вмешательства во внутренние дела. Мартенс, говоря о запрете на вмешательство во внутренние дела «цивилизированных» государств, говорит об исключительных чрезвычайных обстоятельствах, допускающих коллективное вмешательство⁸⁵.

Критикуя концепцию государственного суверенитета, Мандельштам обращается к психологической доктрине права Л. И. Петражицкого. Согласно теории Петражицкого, право наравне с нравственностью является частью психических переживаний человека и осмысливается человеком в

⁷⁸ Mandelstam A. *Le Sort de l'Empire Ottoman...* P. 425.

⁷⁹ Ibid.

⁸⁰ Мартенс Ф. Ф. *Современное международное право цивилизованных народов. Том I / 2-е изд., доп. и испр.* Санкт-Петербург: Типография Министерства путей сообщения, 1887. С. 177.

⁸¹ Mandelstam A. *Le Sort de l'Empire Ottoman.* P. 443.

⁸² Ibid. 202.

⁸³ Мандельштам не уточняет периодизацию событий, но с высокой долей вероятности речь идет о Первой мировой войне, а именно об оккупации Германией Бельгии и Северной Франции в период с 1914 по 1918 год. Из-за высокой потребности военной экономики в рабочей силе Германия депортировала часть населения Бельгии и Франции для работы на своих заводах. В частности, известно, что за период с 1916 по 1917 год в Германию были депортированы порядка 60 тысяч безработных бельгийцев. См.: Thiel J. *Menschenbassin Belgien. Anwerbung, Deportation und Zwangsarbeit im Ersten Weltkrieg.* Essen: Klartext, 2007. P. 136.

⁸⁴ Mandelstam A. *Le Sort de l'Empire Ottoman...* P. 444.

⁸⁵ Ibid.

качестве должного по отношению к другому⁸⁶. Разграничивая нравственность и право, Петражицкий относит к области нравственности этические эмоции, которые носят императивный характер, а к области права — те, которые носят и императивный, и атрибутивный характер⁸⁷. Исходя из этого, Петражицкий выделяет интуитивное и положительное право. Основанием деления выступает наличие в характерных для них императивно-атрибутивных переживаниях ссылки на нормативные факты. Петражицкий подчеркивает, что ошибочно принимать интуитивное право за естественное, «идеальным» такое право назвать нельзя — его содержание может быть вполне неразумным. Петражицкий поясняет, что вырабатываемые наукой идеи рационального права и соответствующие законодательно-политические предложения представляют собой не право, а проекты правовых постановлений⁸⁸. Для интуитивного права важна индивидуальная природа, возникающее чувство долга в отсутствие нормативных фактов. Его содержание определяется конкретными условиями воспитания, социального положения и так далее⁸⁹. Сходство условий может привести развитие интуитивного права к общности. В таком случае допустимо говорить об интуитивном праве семьи, того или иного класса общества.

Строя аргументацию на психологической теории Петражицкого, Мандельштам разрешает конфликт между суверенитетом государства и суверенитетом права в пользу последнего:

Общее безличное право сначала навязывается нашему сознанию как позитивное международное право, черпающее свою силу из авторитета договоров и обычаев. Но помимо него существует интуитивное международное право, которое не обязано своим происхождением никаким правилам, никакому внешнему использованию и черпает свою силу исключительно из индивидуального сознания⁹⁰.

В нормативной теории Мандельштама особое место отводится всеобщим правам человека. Он пишет о существовании такого права прав человека, которое не только определяет права, но и защищает их от произвола отдельных государств. Мандельштам делает вывод о том, что государства не являются абсолютно суверенными. В том случае, если мы намерены оставить за государствами статус суверенных, мы должны исключить из него идею абсолютной независимости. Абсолютную ценность для Мандельштама имеет только цель сообщества, охватывающая всех людей. В связи с этим, для каждой эпохи должен существовать правовой минимум, ниже которого международное сообщество не может позволить опуститься ни одному государству. Единственной и эффективной санкцией международного права в конкретный исторический момент в случае, если оно опускается ниже установленного минимума, Мандельштам называет вмешательство⁹¹.

Таким образом, Мандельштам одним из первых дал правовое обоснование законности гуманитарных интервенций, осуществляемых с целью прекращения нарушений прав человека: в международном праве сформировалась интуитивная часть, которая дополняет позитивное право. Интуитивная часть вбирает в себя стремления к защите прав человека и ограничению государственного суверенитета⁹². Вмешательство в дела государства, достигшего крайности в нарушениях прав человека, является законным актом со стороны других государств, поскольку такого действия от них требует интуитивное право⁹³.

Расширив сферу применения гуманитарной интервенции и отрицая абсолютный суверенитет государств, Мандельштам тем не менее разделяет глубоко укоренившиеся среди дипломатов своего времени представления о том, что не все народы имеют равные права на самоопределение, и выводит различные уровни развития и цивилизованности народов⁹⁴, разделяя оптимистичную уверенность сторонников либеральной мысли того периода о неминуемом общественном историческом прогрессе. В конкретных исторических и социокультурных условиях он приходит к выводу о том, что мандат Лиги Наций представляет собой лучшую надежду армянского народа на

⁸⁶ Петражицкий Л. И. *Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Том I.* Санкт-Петербург : типография т-ва «Екатерингофское Печатное дело», 1909. С.144.

⁸⁷ Там же. С. 137.

⁸⁸ Петражицкий Л. И. *Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Том II.* Санкт-Петербург : типография Спб. акц. общ. «Слово», 1907. С. 472.

⁸⁹ Там же. С. 475.

⁹⁰ Mandelstam A. *Le Sort de l'Empire Ottoman...* P. 458.

⁹¹ Ibid. P. 459.

⁹² Ibid. P. 458–459.

⁹³ Ibid. P. 459.

⁹⁴ Ibid. P. 570–571.

автономию как от большевистской России, так и от Турции⁹⁵. Современный читатель, скорее всего, увидит в такой совокупности идей опасность злоупотреблений и переформулирование поздней колониальной и империалистической риторики в новых терминах⁹⁶. При этом идея примата прав человека над суверенитетом государства была, как покажет работа Мандельштама в Институте международного права, нова и отчасти даже радикальна для его поколения. Любопытно, что аналогичная совокупность аргументов, изложенная двадцать лет спустя в книге «Итало-эфиопский конфликт перед Лигой Наций» будет воспринята весьма критично следующим поколением юристов-международников, которые иначе видели баланс между либеральными ценностями, негативной и позитивной свободой, несколько иначе оценивали допустимость насильственных методов и функцию международного права.

Всеобщие права человека: универсализация

В 1921 году А. Н. Мандельштам становится постоянным членом Института международного права. В Институте он координирует деятельность Комиссии по защите прав человека⁹⁷. Идею международной защиты прав человека Мандельштам параллельно продвигает в Международной дипломатической академии, открытой в 1926 году в Париже (фр.: *Académie diplomatique internationale*)⁹⁸.

В 1929 году на сессии в Нью-Йорке Институт международного права принял первый в истории проект декларации «Всеобщих прав человека»⁹⁹. В основе доклада А. Н. Мандельштама на сессии Института международного права и принятой на его основе декларации лежали его теоретико-практические разработки в области защиты прав меньшинств, а также анализ существующей практики, в том числе практики Постоянной палаты международного правосудия по защите прав меньшинств на основании международных договоров¹⁰⁰. Проект декларации состоял из преамбулы и шести основных статей. Центральным положением стало право на гражданство. В духе господствующей картины мира большинства интернационалистов того времени, особый акцент в преамбуле был сделан на «правосознании цивилизованного мира», требующем признания за человеком ряда неотчуждаемых государствами прав. Какие же права А. Н. Мандельштам предлагал считать таковыми? В ст. 1 речь идет о гарантиях права на жизнь, свободу и собственность, а также на равную защиту закона без дискриминации по признаку национальности, пола, расы, языка или вероисповедания, в ст. 2 — о праве на свободу вероисповедания, в ст. 3 — о свободе выбора языка, в ст. 4 — о запрете дискриминации со стороны государства по отношению к своим гражданам на основании пола, расы, религии и языка. В заключительных статьях отмечается, что равенство должно быть «не номинальным, а действительным» (ст. 5), а также то, что ни одно государство не вправе лишать человека гражданства для того, чтобы не обеспечивать исполнение прав, перечисленных в предыдущих статьях¹⁰¹. Примечательно, что коллеги по Институту международного права критиковали декларацию как одновременно чрезмерно и недостаточно далеко идущую: одни считали, что А. Н. Мандельштам выдает желаемое за действительное в надежде получить всеобщее принятие

⁹⁵ Mandelstam A. *La Société des nations et les puissances devant le problème arménien Édition spéciale de la Revue générale de droit international public*. Paris : A. Pedone, 1926. P. 72–73.

⁹⁶ Toufayan M. *Empathy, Humanity and the “Armenian Question”* // *Revue québécoise de droit international*. 2011. Vol. 24. № 1. P. 188.

⁹⁷ Kévonian D. *Les juristes juifs russes en France et l'action internationale dans les années vingt* // *Archives Juives*. 2001. Vol. 34. № 2. P. 89.

⁹⁸ Среди основателей Международной дипломатической академии был Франклин Рузвельт. Имя его жены Элеоноры Рузвельт позже будет прочно связано со Всеобщей декларацией прав человека. В число основателей Академии также входил Иван Николаевич Ефремов, прочитавший два курса лекций в Гаагской академии международного права: Efremoff J. *La conciliation internationale* // *Recueil des cours de l'Académie de La Haye en ligne* (Volume 18). Brill | Nijhoff, 1927; Efremoff J. *Organisation de la conciliation comme moyen de prévenir les guerres* (Volume 59) // *The Hague Academy Collected Courses Online*. Brill | Nijhoff, 1937.

⁹⁹ Institut de Droit International. *Annuaire 1950*. 43-II. Germany : Schmidt Periodicals GMBH, 2000. S. 482 URL: https://www.idi-iil.org/app/uploads/2017/05/4025-43B_OCR-min.pdf (дата обращения: 18.03.2024). Aust H. *Op. cit.* P. 1111. Нью-Йорк Мандельштам посещает вместе с бароном Нольде: в иммиграционных документах США оба фигурируют как лица без гражданства. Нью-Йорк. Записи об иммиграции 8 окт. 1929 г. — 9 окт. 1929 г. // *Family Search* URL: <https://www.familysearch.org/ark:/61903/3:1:33S7-954M-84R?view=index&personArk=%2Fark%3A%2F61903%2F1%3A1%3A24F3-T7Q&action=view> (дата обращения: 15.03.2024).

¹⁰⁰ См. PCIJ. *Advisory Opinion № 7 dated 15 September 1923* // *International Court of Justice* URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/permanent-court-of-international-justice/serie_B/B_07/01_Acquisition_de_la_nationalite_polo_naise_Avis_consultatif.pdf (дата обращения: 20.04.2024).

¹⁰¹ *Déclaration des droits internationaux de l'Homme*, *Annuaire de l'Institut de Droit International*, Session de New York, ii (1929), at 298–300.

государствами универсальных прав человека¹⁰²; другие полагали, что неясный правовой статус и отсутствие исполнительного механизма снизят ее практическую значимость¹⁰³. Осознавая недостатки декларации, Мандельштам указывал, что с учетом высокой репутации Института международного права она может стать косвенным источником позитивного права в смысле статьи 38(1)(d) Статута Постоянной палаты международного правосудия¹⁰⁴.

Проект «Всеобщей декларации прав человека», как и наработки в области защиты прав меньшинств, были для А. Н. Мандельштама не просто теоретическими размышлениями, но и осмыслением собственного практического опыта. После длительной работы ему удалось убедить членов Института в необходимости принятия декларации, а членов Академии международных отношений — в необходимости принятия резолюции в пользу разработки Всемирной конвенции о правах человека¹⁰⁵.

Над проектом резолюции в Академии Мандельштам работал совместно с юристом греческого происхождения Антониосом Франгулисом, также эмигрировавшим во Францию. Мандельштам и Франгулис входили в созданную при Академии Комиссию, занимавшуюся вопросами защиты прав человека. Финальная резолюция, одобренная Академией 28 ноября 1928 года, была составлена на основании меморандума, подготовленного именно Мандельштамом. В заключение резолюции выражалось пожелание о принятии под эгидой Лиги Наций всеобщей конвенции, обеспечивающей защиту и уважение прав человека¹⁰⁶.

Продвигая идеи защиты прав человека, Мандельштам активно публикуется, а в 1923 году становится одним из первых и впоследствии — регулярным лектором в Гаагской академии международного права¹⁰⁷. В этот же период в деловых письмах он подписывается как профессор Высшего института международных исследований (Париж, Франция)¹⁰⁸.

В Гаагской академии международного права Мандельштам прочитал четыре курса лекций. Первый курс — в 1923 году, посвященный защите прав меньшинств¹⁰⁹. Второй курс, пришедшийся на 1926 год, касался институтов недавно созданной Лиги Наций¹¹⁰. В 1931 году Мандельштам вернулся к главной теме своей научной работы и прочел в Академии курс лекций «Международная защита прав человека»¹¹¹. В этом же году на немецком языке издается его монография «Армянский вопрос в свете международного права и права прав человека»¹¹². Последний курс в Академии Мандельштам прочел в 1934 году — в нем анализировались подходы России к получению выхода к Средиземному морю¹¹³.

IV. Практическая защита прав человека и консультативная деятельность в эмиграции

Одновременно с теоретизированием о защите прав человека Мандельштам занимается практической юридической деятельностью. После всех потрясений первой четверти XX века — Первой мировой войны, Октябрьской революции, распада трех империй — едва ли не повсеместно в мире обострилась проблема беженцев. Многие оказались юридически или фактически лишены гражданства или подданства, включая, например, армянское население Турции. Постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного комитета от 15 декабря 1921 года с дополнениями от 29 и 31 октября 1924 года были лишены гражданства и русские эмигранты.

¹⁰² Burgers J. H. *André Mandelstam, Forgotten Pioneer of International Human Rights // Rendering Justice to the Vulnerable: Liber Amicorum in Honour of Theo van Boven* / ed. by F. Coomans, F. Grunfeld, I. Westendorp, J. Willems. The Hague : Kluwer, 2000. P. 76.

¹⁰³ Observations de Hans Wehberg // *Annuaire de l'Institut de droit international*, 1928. P. 312–314.

¹⁰⁴ Mandelstam A. *La déclaration des droits internationaux de l'homme adoptée par l'Institut de Droit International' // Revue de Droit International*. 1930. T. V. P. 59.

¹⁰⁵ Dalle Mulle E., Bieling M. *The ambivalent legacy of minority protection for human rights // Revue suisse d'histoire*. 2021. Vol. 71. № 2. P. 274.

¹⁰⁶ Burgers J. H. *Op. cit.* P. 448.

¹⁰⁷ Kévonian D. *Exilés politiques et avènement du «droit humain»...* P. 265.

¹⁰⁸ Supply of Publications to and by Mr. A. Mandelstam. League of Nations. Classement № 18. Document № 10126. 1920–1921. URL: <https://archives.unige.ch/Supply-of-publications-to-and-by-mr-a-mandelstam-2> (дата обращения: 02.03.2024).

¹⁰⁹ Mandelstam A. *La protection des minorités (Volume 1). Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, 1923. URL: http://dx.doi.org/10.1163/1875-8096_pplrhc_A9789028603820_08 (дата обращения: 02.03.2024).

¹¹⁰ Mandelstam A. *La conciliation internationale d'après le Pacte et la jurisprudence du Conseil de la Société des Nations (Volume 14). Collected Courses of the Hague Academy of International Law*.

¹¹¹ Mandelstam A. *La protection internationale des droits de l'Homme (Volume 38). Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, 1931. URL: http://dx.doi.org/10.1163/1875-8096_pplrhc_A9789028607521_02 (дата обращения: 02.03.2024).

¹¹² Das armenische Problem im Lichte des Völker- und Menschenrechts // *Deutsche Digitale Bibliothek* URL: <https://www.deutsche-digitale-bibliothek.de/item/SB42NNVECN3ST16LCPJMKPOTFKQWVYEV> (дата обращения: 02.03.2024).

¹¹³ Mandelstam A. *La politique russe d'accès à la Méditerranée au XXe siècle (Volume 47). Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, 1934. URL: http://dx.doi.org/10.1163/1875-8096_pplrhc_A9789028608429_04 (дата обращения: 02.03.2024).

В конце 1918 — начале 1919 года с целью восстановления суверенитета России и спасения русской демократии в Париже формируется Русское политическое совещание, председателем которого становится князь Г. Е. Львов, объединивший вокруг себя российских дипломатов. Совещание позиционировало себя как правительство в изгнании, представляющее белое движение. Помимо политических целей совещание приняло на себя функции решения практических проблем русских беженцев¹¹⁴.

В 1920 году Мандельштам вместе с бывшими коллегами по МИД, Петербургскому университету и другими единомышленниками, в частности с бароном Нольде, создает Российскую ассоциацию Лиги Наций. Задачи организации в целом сводились к оказанию помощи русским беженцам¹¹⁵. В этот период А. Н. Мандельштам преподает в Русском институте исторических и юридических наук в Париже¹¹⁶.

В январе 1921 года А. Н. Мандельштам вместе с Б. Э. Нольде входит в состав технического аппарата, согласовавшего работу Правительства Крыма и заграничных представительств¹¹⁷.

В ноябре 1921 года Мандельштам предложил общему собранию Российского земско-городского комитета урегулировать вопрос правового статуса русских беженцев в Турции, а также решить проблему выдачи им паспортов посредством консульских учреждений. В рекомендации Мандельштама содержалось прошение обратиться с этим проектом к Лиге Наций. В начинании его поддержала графиня С. В. Панина, представительница Российского земско-городского комитета при Лиге Наций. Поскольку Комитет отверг эту инициативу¹¹⁸, вопросами бедственного положения русских беженцев в Турции стал заниматься вновь созданный Комитет Съезда русских юристов за границей, куда, помимо А. Н. Мандельштама, вошли барон Нольде, профессор А. А. Пиленко, Я. Л. Рубинштейн и другие юристы, почитавшие своей обязанностью помочь соотечественникам. Комитет предлагал признать за русскими беженцами, проживающими в Турции, возможность пользоваться правами иностранцев. Дело в том, что к началу XX века подданные великих держав, находясь на территории Османской империи, оставались под юрисдикцией своих государств. То есть даже на территории Турции они следовали законам государства своего гражданства, а не турецким законам¹¹⁹. Русские эмигранты, оставшиеся без покровительства своего государства вследствие принятого большевиками решения о лишении их гражданства, лишались права находиться под юрисдикцией России в Османской империи.

Для решения этого вопроса Комитет разработал меморандум, принятый на собраниях 8 и 17 ноября 1922 года в Париже, основывающийся на идеях международного частного права и принципах консульской деятельности. На совещании с начальником юридического отдела Генерального Секретариата Лиги Наций, а также с представителем Верховного Комиссариата по делам беженцев, прошедшем 22 ноября 1922 года в Женеве, Мандельштам и другие представители Комитета Съездов Русских юристов пытались урегулировать вопрос о сохранении за лишенными гражданства русскими в Турции статуса внеземельности (то есть, статуса, при котором на них бы не распространялась турецкая юрисдикция), а также о предоставлении им покровительства какой-либо европейской державы, настаивая на уравнивании правового положения русских с положением других

¹¹⁴ Комнатная Ю. А. *Указ. соч.* С. 193–202.

¹¹⁵ Kévonian D. *Les juristes juifs russes en France...* P. 88.

¹¹⁶ Помимо Мандельштама в нем также преподавали также видные юристы, политические и общественные деятели императорской России как Б. Э. Нольде, П. Я. Ростовцев, К. Д. Набоков, М. М. Винавер. Подробнее об этом: *Русский институт исторических и юридических наук в Париже // Еврейская трибуна. Еженедельник, посвященный интересам русских евреев.* 20 февраля 1920. № 8.

¹¹⁷ В период гражданской войны на Крымском полуострове не было единого управления. К 1919 году здесь действовали войска Антанты, Второе Крымское краевое правительство и белая Крымско-Азовская армия. Среди прочих в состав правительства входили В. Д. Набоков (министр юстиции) и М. М. Винавер (министр иностранных дел). После того, как большевистские силы вошли в Симферополь в апреле 1919 года, правительство отправилось в эмиграцию. См. Кононова М. М. *Деятельность дипломатов царского и Временного правительства в эмиграции в 1917–1938 гг. // Международная жизнь.* 2001. № 9–10. С. 71–83.

¹¹⁸ Комнатная Ю. А. *Указ. соч.* С. 193–202.

¹¹⁹ С довольно раннего времени в Османской империи коммерческие представительства, известные как капитуляции, регулировали юрисдикционный статус иностранных торговцев. Как правило «капитуляции» включали положения, предоставляющие юрисдикционные привилегии и иммунитеты иностранным гражданам, участвующим в судебных разбирательствах. Так, например, одним из первых примеров «капитуляций» являются привилегии, выданные Сулейманом Великолепным Франциску I Французскому в 1535 году. По мере развития концепции территориального суверенитета выдача таких капитуляций переходила из сферы частного права в сферу публичного межгосударственного и регулировалась уже двусторонними договорами. Tait Slys M. *Exporting Legality: The Rise and Fall of Extraterritorial Jurisdiction in the Ottoman Empire and China.* Genève: Graduate Institute Publications, 2014. URL: <https://books.openedition.org/iheid/788> (дата обращения 19.04.2024).

иностранцев. Результатом этой встречи стал проект протокола, который был направлен Верховному Комиссару в Лозанну¹²⁰.

В 1921–1927 годах Мандельштам выступил советником и позже представителем русских владельцев майоратных имений в Польше, конфискованных без выплаты компенсаций, в Совете Лиги Наций¹²¹. Отсутствие польского гражданства закрыло для представителей русского меньшинства в Польше возможность содержательного рассмотрения их обращения.

А. Н. Мандельштам не ограничивался помощью эмигрантам из Российской империи и принимал активное участие в судьбах различных людей, оставшихся без покровительства государства. В частности, он состоял в Консультативном комитете частных организаций (фр.: *le Comité consultatif des organisations privées*), работавшем вместе с Управлением верховного комиссариата Лиги Наций по делам беженцев, возглавляемым Фритьофом Нансеном, в рамках которого в 1920-е годы были созданы удостоверения личности для русских и армянских беженцев, закрепившие международный статус беженца¹²². А. Н. Мандельштам также участвовал в обсуждении вопроса о необходимости разработки особого статуса еврейских беженцев, который отличался бы от статуса русских беженцев¹²³.

Начиная со второй половины 1920-х годов, параллельно с разработкой проекта декларации в Институте международного права, продвижением резолюции в Международной академии дипломатии и чтением лекций, Мандельштам занимается юридической практикой. В 1927 году он выступал советником и представителем правительства Литвы в спорах, рассматриваемых Постоянной палатой международного правосудия в Гааге. В 1931 году он стал представителем Литвы сначала по *Делу о железнодорожном сообщении между Литвой и Польшей*¹²⁴, а в 1938 году — по *Делу железной дороги Паневежис-Салдутискис между Литвой и Эстонией*¹²⁵. Интересы Эстонии в этом деле представлял барон Нольде. В 1937 году Мандельштам выступал представителем Литвы в споре с Германией «О гражданстве некоторых лиц»¹²⁶, рассмотренном арбитражем *ad hoc* с местом нахождения в Берне. Это дело было частью более широкого спора о Мемеле (современной Клайпеде). Консультирование Литвы по вопросу прав меньшинств настроило немецкое правительство против Мандельштама¹²⁷.

В те годы коллеги А. Н. Мандельштама из Института международного права включались в списки арбитров Постоянной палаты третейского суда или становились судьями Постоянной палаты международного правосудия. Отсутствие гражданства, в том числе гражданства государства — члена Лиги Наций, закрывало для А. Н. Мандельштама эту карьерную перспективу, несмотря на высокую квалификацию и обширный профессиональный опыт.

V. Последние годы жизни

На протяжении длительного времени А. Н. Мандельштам возлагал большие надежды на работу Лиги Наций в области защиты прав меньшинств и осуществления гуманного вмешательства. В текстах Мандельштама Лига Наций представляется фактически тем самым проводником суверенитета права,

¹²⁰ Бочарова З. С. *Русские беженцы: проблемы расселения, возвращения на родину, урегулирования правового положения*. (1920–1930-е годы): Сборник документов и материалов. М.: РОССПЭН, 2004. С. 79–82.

¹²¹ Russian majorats in Poland - Mr. André Mandelstram, Paris - Communicates a letter and two memoranda to the Council of the League of Nations. Informs that he represents a delegation of forty-eight owners of Russian majorats. // United Nations Library & Archives Geneva URL: <https://archives.ungeneva.org/majorats-russes-en-pologne-m-andre-mandelstram-paris-communique-une-lettre-et-deux-memoires-adresses-au-conseil-de-la-societe-des-nations-fait-savoir-quil-represente-un-delegation-de-quarante-huit-proprietaires-de-majorats-russes> (дата обращения: 20.04.2024). Russian majorats in Poland - Mr. Mandelstam, Neuilly-Sur-Seine - In the name of 65 owners of Russian majorats addressed to the Council of the League of Nations a new memorandum on the question. // United Nations Library & Archives Geneva URL: <https://archives.ungeneva.org/majorats-russes-en-pologne-m-mandelstam-neuilly-sur-seine-au-nom-de-65-proprietaires-de-majorats-russes-adresse-au-conseil-de-la-societe-des-nations-un-nouveau-memoire-sur-la-question> (дата обращения: 20.04.2024).

¹²² Бочарова З. С. *Социальная помощь российским беженцам в 1920–1930-е годы* // Cyberleninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-pomosch-rossiyskim-bezhentsam-v-1920-1930-e-gody/viewer> (дата обращения: 06.02.2024).

¹²³ Kévonian D. *Exilés politiques et avènement du « droit humain »...* С. 250.

¹²⁴ *Trafic ferroviaire entre la Lituanie et la Pologne*, PCIJ Series A/B. No 42, Avis consultatif, 15 octobre 1931. https://www.icj-cij.org/public/files/permanent-court-of-international-justice/serie_C/C_54/C_54_06_Trafic_ferroviaire_Seances_publicues.pdf (дата обращения: 02.03.2024).

¹²⁵ *The Panevezys-Saldutiskis Railway Case* // WorldCourts: International Case Law Database URL: https://www.worldcourts.com/pcij/eng/decisions/1939.02.28_panevezys-saldutiskis.htm (дата обращения: 02.03.2024).

¹²⁶ *Case between Germany and Lithuania concerning the nationality of various persons (Germany v. Lithuania)* // Jus Mundi. URL: <https://jusmundi.com/en/document/decision/fr-affaire-entre-lallemagne-et-la-lituanie-concernant-la-nationalite-de-diverses-personnes-allemandes-contre-lituanie-sentence-tuesday-10th-august-1937> (дата обращения: 02.03.2024).

¹²⁷ Bruns V. *Die Memelfrage* // *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*. 1936. № 6. S. 645. URL: https://www.zaoerv.de/06_1936/6_1936_1_a_645_666.pdf (дата обращения: 02.03.2024).

лишенным политического интереса и какого-либо эгоистического измерения. С уверенностью можно сказать, что Мандельштам был приверженцем либеральных идей — не случайно именно он занимался разработкой первого проекта всеобщей декларации прав человека. Вместе с тем, А. Н. Мандельштам был носителем конкретной культуры и эпохи, представителем привилегированного сословия. Эти факторы во многом определили то, что при всем своем прогрессивном настрое, в отдельных вопросах он оказывался представителем старого миропорядка. В преамбуле прогрессивного для своего времени проекта Всеобщей декларации прав человека он делает акцент на «правосознании цивилизованного мира». От деления государств на «цивилизованные» и «нецивилизованные» Мандельштам не отказался и в последней своей большой работе — монографии «Итало-эфиопский конфликт перед Лигой Наций» (фр.: *Le conflit italo-éthiopien devant la Société des Nations*), вышедшей в 1937 году и получившей критические отзывы¹²⁸. Весьма остро его позицию критиковали представители следующего поколения юристов-международников с несколько другой картиной мира, включая Джона Спенсера¹²⁹, выступавшего в конфликте советником Эфиопии¹³⁰, и Шарля Руссо, который указывал, что сфокусировавшись на конкретном конфликте, в котором Италия обосновывала военное вмешательство необходимостью борьбы с рабством в Абиссинии, Мандельштам упустил более широкую картину, в которой Италия была тесно связана с Германией накануне Второй мировой войны¹³¹.

На наш взгляд, важным представляется в этой работе обратить внимание не только на несколько спорную позицию, занимаемую Мандельштамом в отношении оценки конфликта, но также на содержательную критику работы Лиги Наций. Мандельштам стал одним из немногих юристов, поставивших под сомнение эффективность действий Лиги Наций в долгосрочной перспективе. Он полагал, что спор должен был быть передан не показавшей себя поспешной и необъективной Согласительной и арбитражной комиссии¹³², а Постоянной палате международного правосудия.

Вкратце напомним обстоятельства Уал-уальского инцидента: Италия накануне Первой мировой войны вторглась в Эфиопию, обосновывая свое право существовавшим в Эфиопии рабством. Эфиопия еще в декабре 1934 года довела до сведения Лиги Наций существующий между Эфиопией и Италией спор, при этом просьба о включении рассмотрения спора в повестку Совета в телеграмме отсутствовала. Однако 17 марта 1934 года, после того как двусторонние переговоры не принесли позитивных результатов, Эфиопия потребовала, чтобы спор был включен в повестку Совета Лиги Наций. 3 апреля Эфиопия обратилась к Совету с просьбой о внесении спора в программу следующей внеочередной сессии. Совет ответил отказом, мотивировав это заявлениями Италии и Эфиопии об их мирных намерениях — вопрос был перенесен для рассмотрения в мае¹³³.

Несмотря на необходимость действовать оперативно, сначала арбитры Согласительной и арбитражной комиссии не могли прийти к консенсусу по вопросу о собственной компетенции относительно определения суверенитета над оазисом Уал-Уал¹³⁴. Наконец, 3 сентября 1935 года, после назначения пятого арбитра, Арбитражная комиссия вынесла свое окончательное решение, в соответствии с которым ни итальянское, ни эфиопское правительства не могли быть привлечены к ответственности за инцидент в Уал-Уал¹³⁵.

Мандельштам, весьма тщательно реконструировавший «полемику» в Лиге Наций, указывал, что позиция Италии основывалась на специальных докладах британских дипломатов Лиге Наций, документах дипломатических представительств разных государств и наблюдениях путешественников.

¹²⁸ Mandelstam A. *Le conflit italo-éthiopien devant la Société des Nations*. Paris: Libr. du Rec. Sirey, 1937.

¹²⁹ Spencer J. H. *Le Conflit Italo-Éthiopien devant la Société des Nations*. By André N. Mandelstam. Paris: Recueil Sirey, 1937. // Cambridge Core URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/american-journal-of-international-law/article/abs/le-conflit-italoethiopien-devant-la-societe-des-nations-by-andre-n-mandelstam-paris-recueil-sirey-1937-pp-xx-577-fr-90/29A28CBA67172531ACC24382FC9368A1> (дата обращения: 03.02.2024). См. также Gros A., Rousseau C. *Le conflit italo-éthiopien devant le droit international // Politique étrangère*. 1938. № 2. P. 197–199. Ср. с положительным отзывом итальянского юриста Diena G. *Conflitto italo-etiopeo dinanzi alla Società delle Nazioni in un'opera di André N. Mandelstam*. Reale Istituto Lombardo di scienze e lettere. 1938. № 71. P. 120.

¹³⁰ American Is Named Ethiopian Adviser; Dr. John H. Spencer, Only 28, Will Assist Colson -- Son of a Grinnell Professor // *The New York Times* URL: <https://www.nytimes.com/1936/01/08/archives/american-is-named-ethiopian-adviser-dr-john-h-spencer-only-28-will.html> (дата обращения: 03.02.2024).

¹³¹ Цит. по Aust H. P. *Op. cit.* P. 1108.

¹³² Документы Согласительной и арбитражной комиссии, включая арбитражное решение по Вальвальскому инциденту см: Potter P. B. *Wal Wal Arbitration*. Washington Carnegie Endowment for International Peace, 1938.

¹³³ League of Nations Official Journal, 1935, pp. 546-550.

¹³⁴ Ibid. P. 966.

¹³⁵ Spencer, J. H. *The Italian-Ethiopian Dispute and the League of Nations // The American Journal of International Law*. 1937. Vol. 31. №. 4. P. 614–641.

По мнению Мандельштама, они доказывают сохранение в Эфиопии рабства и работорговли, которые поддерживаются государством, а также невыполнение правительством рекомендаций Комиссии экспертов в отношении отмены рабства¹³⁶. Эфиопия к тому же не ратифицировала Конвенцию о рабстве 1926 года. По этой причине Мандельштам приходит к выводу о том, что Лиге Наций прежде всего не следовало принимать Эфиопию в члены до решения вопроса об отмене рабства.

На страницах работы, наполненной философскими рассуждениями, Мандельштам одновременно критикует санкционный режим и решимость Италии ввести войска, при этом соглашаясь с жесткостью причин гуманитарной интервенции с целью защиты населения Эфиопии. В своих рассуждениях Мандельштам остается в дуалистической рамке «цивилизованных» и «нецивилизованных» государств, в которой Италия, стоявшая у истоков создания Лиги Наций и разработки системы защиты меньшинств в новых и побежденных странах, автоматически оказывается в более выигрышном положении. Несмотря на то, что Мандельштам критикует намерение Италии по введению войск, он в то же время соглашается с основательностью причин для гуманного вмешательства, цель которого состояла в защите населения Эфиопии.

Общая для нового поколения юристов-международников критика текста Мандельштама была вызвана, как нам представляется, тем, что в реалиях нового времени такой подход к делению государств выглядел реакционным. На наш взгляд, такой ход рассуждений А. Н. Мандельштама обусловлен отнюдь не симпатией по отношению к Италии, использовавшей факты сохранения рабства и работорговли как основание для вторжения, или подверженностью ее пропаганде, а скорее методологической последовательностью: он оставался верен своим либеральным убеждениям и в конфликте между суверенитетом государства и правами человека таким образом стремился выбрать человека. Как известно современному читателю, процесс отмены рабства, в том числе усилиями Международной организации труда, в рассматриваемый период действительно продвигался весьма непростом¹³⁷.

Начиная с 1938 года академическая и профессиональная активность А. Н. Мандельштама заметно снизилась. Где находился во время Второй мировой войны Мандельштам, доподлинно неизвестно. Поскольку Франция под контролем лояльного Германии режима Виши была далеко не самой подходящей страной для работы в сфере защиты прав человека, некоторые исследователи полагают, что в этот период Мандельштам, следуя общей тенденции, характерной для европейской интеллектуальной элиты¹³⁸, находился в США, указывая в подтверждение этого предположения на факт появления публикаций за его авторством в американских изданиях¹³⁹. Нам кажется более вероятной версия, согласно которой Андрей Николаевич пережил немецкую оккупацию в Париже¹⁴⁰. В архивах Французского Управления по делам беженцев и лиц без гражданства (Ofpra) имеется свидетельство о неарийстве, выданное Управлением по делам лиц без гражданства (BCIA), созданным в 1942 году в рамках службы по делам иностранцев Государственного секретаря Франции. В справке, датированной 15 апреля 1942 года, указано, что отец Андрея Николаевича, Николай Мандельштам, был протестантом, действительным статским советником, что давало ему дворянский титул, что его мать (Генриетта Видау) также была протестанткой из семей балтийцев (Видау и Рихтер), которые были дворянами и протестантами. Свидетельство заканчивается словами: «Господин Мандельштам, имеющий права на дворянство по наследственности, обладает им и как действительный статский советник и как награжденный орденом Святого Владимира». Этот документ был предназначен для французских и немецких властей в период сильного давления со стороны Германии на отделение русских беженцев. Свидетельство уточняет, что Мандельштам является офицером Почетного легиона, что также подтверждается архивами Большой канцелярии Почетного легиона. Он был назначен офицером указом от 16 июля 1908 года за работу в русской делегации на Второй мирной конференции 1907 года в Гааге¹⁴¹.

¹³⁶ Mandelstam A. N. *Le Conflit Italo-Éthiopien devant la Société des Nations*. Paris : Recueil Sirey, 1937. P. 54–55.

¹³⁷ Daughton J. P. *ILO Expertise and Colonial Violence in the Interwar Years // Universalizing Social Rights: A History of the International Labour Organization and Beyond* / ed. by S. Kott, J. Droux. London : Palgrave, 2013. P. 85–97.

¹³⁸ *Интеллектуальная миграция в современном мире: учеб. пособие* / под ред. М.М. Лебедевой ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. мировых политических процессов. М. : МГИМО-Университет, 2014.

¹³⁹ Россия XX века перед турецкими проливами. «Новоселье», Нью-Йорк, 1946, № 29/30, Русская политика в Турции накануне и во время Первой мировой войны. «Новоселье», 1947, № 31/32 и др. Статьи выходят после окончания Второй мировой войны и не служат, как нам кажется, доказательством факта временной релокации в США.

¹⁴⁰ Aust H. P. *Op. cit.* P. 1108.

¹⁴¹ Kévonian D. *Mémoire inédit: The Swing of the Pendulum...* P. 127.

Андрей Мандельштам ушел из жизни в своей парижской квартире 27 января 1949 года. Он похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа в пригороде Парижа. На могиле установлен простой деревянный крест, на котором нет таблички с его именем и родом деятельности. В некрологе, написанном А. Н. Макаровым для ежегодника Института международного права, отмечается огромный вклад Мандельштама в работу Института и его удивительная работоспособность. Став членом Института международного права в 1921 году, Мандельштам пропустил его рабочие сессии всего дважды в 1937 и в 1948 году по причине сильной болезни¹⁴².

Заключение

Биография как жанр вынуждает исследователей выстраивать события исследуемой частной и общественной жизни хронологически и связывать их между собой логически. Авторы признают, что допустимы разные подходы в логике построения подобного исследования. Неоспорим и тот факт, что многие события, происходившие на сломе двух эпох и нескольких империй, были неподвластны А. Н. Мандельштаму. Тем не менее авторы предприняли попытку оценить нормативную теорию Мандельштама в разрезе конкретных исторических событий и вписать его частную историю в более широкий социокультурный, исторический и политический контекст, и пришли к следующим основным выводам.

Теоретические идеи Мандельштама неотделимы от его частной истории, включая связанные с ней микро-истории сообществ, в культуре которых он воспитывался, получал образование и формировался как признанный специалист. Так, А. Н. Мандельштам воспитывался в семье остзейских немцев, осознавая иерархичность сословной системы и привилегированность своего положения. С учетом происхождения, он имел перед глазами понятные карьерные перспективы и пример прогрессивного и крайне работоспособного отца, который смог своими действиями значительно улучшить организацию системы медицинского образования, просвещения и оказания медицинской помощи. Мультиязыковая и мультиэтничная среда прекрасно подходила для развития качеств, важных для будущей профессии. Формирование в Российской империи и последующая работа в МИД государства, находящегося (не без усилий Ф. Ф. Мартенса) в тот период на пике международно-правовой активности, еще более укоренили в Мандельштаме либеральные идеи того времени, частью которых было видение международных отношений через призму степеней цивилизованности отдельных народов и государств. Либеральные идеи А. Н. Мандельштама эволюционировали и подкреплялись рефлексией его практического опыта: массовые убийства нетурецкого населения Османской империи, которые он наблюдал в качестве драгомана российского посольства в Константинополе, младотурецкая и русские революции, Первая мировая война, а также последовавшие за ними миграционные кризисы.

Теоретические идеи Мандельштама также неотделимы от исторического, социокультурного и политического контекста его жизни. В работах Мандельштама прослеживается значительное влияние идей Ф. Ф. Мартенса и «французского периода» дополнительного образования (идеи сообщества государств в противовес идее международного общения), а также европейские либеральные идеи, адаптированные к российскому и турецкому контексту: оптимистическая вера в общественный прогресс — государства, функционирование которых основано на верховенстве права, будут создавать условия для самореализации конкретного общества и личности в нем. Реализацию подобного социального проекта он видел сперва в активной роли просвещенного государства, которое вмешивается в процесс для создания условий развития общества и личности внутри него. Для Мандельштама, таким образом, конфликт между негативной и позитивной свободой иерархическим образом решался в пользу позитивной свободы, а не был гибким механизмом установления баланса в каждом конкретном случае с учетом исторического, социального и культурного контекста. В эмиграции проактивная роль государства, с учетом личного опыта, эволюционирует в проактивную роль международной организации – Лиги Наций.

На момент разработки идеи Мандельштама прогрессивны. Во-первых, в отличие от предшественников, он включается в дискуссию о методе международного права. Во-вторых, он ставит суверенитет прав человека выше национального суверенитета государств. С учетом хронологии переживаемых событий, в результате рефлексии массовых убийств армянского населения в Турции,

¹⁴² Makarov A. *Andre Mandelstam (1869–1949)*. *Annuaire de l'Institut de Droit International*, 1950. URL: https://www.idi-iiil.org/app/uploads/2017/05/4025-43B_OCR-min.pdf (дата обращения: 18.03.2024).

первым проектом для Мандельштама становится проект защиты прав меньшинств, что в целом соответствует традиции российских либеральных мыслителей. Он представляет его как сложившийся *status quo*, то есть результат последовательной практики европейских государств. Этот проект можно кратко изложить следующим образом: если государство нарушает минимальный стандарт всеобщих прав человека, существующий в конкретный исторический период, другие просвещенные государства вправе осуществить вмешательство с целью защиты прав человека (фр.: *le droit à l'intervention d'humanité*). Новизна его идей заключалась в том, что целью вмешательства является не распространение христианской веры, а просвещенная защита и обеспечение соблюдения минимальных прав в любом государстве.

Мандельштам приветствовал Лигу Наций, в создании которой принимал опосредованное участие, состоя в общественных организациях, участвующих в выработке политики и нормативных документов первой современной международной организации. В его понимании ей должны были быть имманентны ключевые для него особенности международного права: сообщество государств (фр.: *societe unis*), объединенных общей целью и ценностями, которые могли осуществлять гуманное вмешательство от имени наднационального образования, лишённого национальных интересов. Немаловажным элементом системы становился постоянно действующий международный суд. Последующие события заставили Мандельштама обратиться к проекту защиты прав человека. Этому способствовали, в частности, неопределенность в отношении объема прав и статуса конкретных людей после распада нескольких империй, а также лишение гражданства некоторыми государствами неугодных категорий лиц, нетитульного или политически активного населения. В 1921 году гражданства лишился и сам Мандельштам, что неизбежно повлияло на его теоретическую работу. Кроме того, возможность защиты прав меньшинств в Лиге Наций была поставлена в зависимость от наличия гражданства.

Последовательно развивая собственные идеи, А. Н. Мандельштам одним из первых сформулировал и обосновал на формальном языке современного ему международного права теорию защиты прав человека. Таким проектом стала сформулированная им и утвержденная Институтом международного права Декларация о всеобщих правах человека 1921 года. Автор оценивал ее правовое значение с учетом репутации Института как «доктрину наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций» (статья 38 (4) Статута Постоянной палаты международного правосудия). Ключевым положением в Резолюции Института международного права становится запрет на лишение гражданства с тем, чтобы отказывать физическим лицам в уважении и защите их прав. Минимальный набор прав включал следующие: гарантии права на жизнь, свободу и собственность, а также на равную защиту закона без дискриминации, право на свободу вероисповедания и выбора языка. В заключительной статье проекта отмечается, что ни одно государство не вправе лишать человека гражданства для того, чтобы не обеспечивать исполнение прав, перечисленных в предыдущих статьях.

Несмотря на то, что язык этого документа не нашел непосредственного отражения в последующих универсальных нормативных документах по защите прав человека, включая Всеобщую декларацию прав человека, проект Мандельштама по формулированию проблем в юридических терминах заложил основу становления в межвоенный период права защиты прав человека, а его многочисленные усилия по ее продвижению способствовали универсализации идеи. На протяжении многих лет А. Н. Мандельштам читал профильные курсы в Гаагской академии международного права, выступал с гостевыми лекциями во многих европейских университетах, опубликовал несколько монографий и огромное количество статей, благосклонно принятых профессиональным сообществом. Он был активным членом ключевых профессиональных объединений: Института международного права, Русского общества содействию Лиги Наций, Международной академии дипломатии и других. Наконец, его практическая деятельность в качестве консультанта и представителя спорящих сторон в Постоянной палате международного правосудия и комитетах Лиги Наций способствовала все большему проникновению его идей в юридическую практику.

Поначалу относившийся к Лиге Наций как к воплощению торжества суверенитета права, в своей последней большой монографии, посвященной итало-эфиопскому конфликту, Мандельштам демонстрирует явное разочарование ее деятельностью. Лига Наций действует не как сообщество, а как объединение (*the League*) и на практике мало чем отличается от критикуемого им международного общения, основанного на абсолютном суверенитете. Вмешательство, включая санкции, Лига осуществляет произвольным образом, исходя из интересов международной политики, а не

соображений гуманности. Урегулирование многих споров происходит не в Постоянной палате международного правосудия, способной объективно установить факты и провозгласить право, а в комиссиях, которые, по мнению Мандельштама, работают поспешно, нетранспарентно и зачастую являются предвзятыми.

Последняя работа Мандельштама получила крайне критические отзывы, в том числе от его сторонников и представителей следующего поколения специалистов в области международного права. Теория Мандельштама предполагала оптимистичную веру в цивилизованное развитие государств до того уровня, что суверенитет государства потеряет свою необходимую функцию и будет заменен суверенитетом права. Все споры, в том числе о нарушениях прав человека, будут рутинно рассматриваться международными судами. На этом фоне возвращение в дискурс иерархии государств читалось как отход от собственных идей и оправдание агрессии, запрет которой после Первой мировой войны стал важным проектом следующего поколения юристов-международников.

Начиная с 1960-х годов, имя и труды¹⁴³ Мандельштама все реже упоминаются в работах профессионального сообщества как важная часть рефлексии и теоретизации идеи защиты прав человека и ее последующей универсализации, приведших к разработке Всеобщей декларации прав человека 1948 года¹⁴⁴ и проложивших путь другим инициативам по защите прав человека, включая права беженцев, апатридов и меньшинств. Прделанной работой мы надеемся пробудить в коллегам исследовательский интерес к отчасти забытому международно-правовому наследию А. Н. Мандельштама и его фигуре. Наш век, так же как и век предыдущий, соткан из противоречий — хорошего и плохого, неумолимых законов жизни и неугасимого человеческого стремления к справедливости. К сожалению, и теперь не потеряли своей актуальности ни вопросы защиты прав человека и прав меньшинств, ни проблемы института гражданства, поэтому работы Мандельштама могут и должны оставаться в активе исследователей международного права как научные труды, источник рефлексии и вдохновения.

THE EMERGING INTERNATIONAL LEGAL PROTECTION OF HUMAN RIGHTS IN THE INTERWAR PERIOD: THE LIFE AND IDEAS OF ANDRÉ MANDELSTAM. PART 2

SHESTAKOVA K., YATAEVA P., AVDEEVA V., SUPONIN V.

Ksenia Shestakova — Candidate of Sciences in Law, Associate Professor of International Law, Academic Director of the Master's Program "Public International Law", Faculty of Law, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia (k.shestakova@spbu.ru). ORCID: 0000-0001-9459-9330.

Polina Yataeva — Director of International Moot Court Program, Faculty of Law, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia (p.yataeva@spbu.ru). ORCID: 0009-0006-1801-1332.

Varvara Avdeeva — Student of the Master's Program "Public International Law", Faculty of Law, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia (avdeeva.varia@gmail.com). ORCID: 0009-0006-4383-6539.

Vyacheslav Suponin — Student of the Master's Program "Public International Law", Faculty of Law, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia (suponinvv@gmail.com). ORCID: 0009-0004-3120-023X.

Abstract

The contemporary academic literature on theory and history of international law in the Russian language hardly ever mentions the name of André Mandelstam. As for the doctrinal sources in English, French and other languages, the attention to the ideas of A. Mandelstam gradually returns to the sources focused on the early history of human rights protection. In the turbulent time of wars and revolutions, Mandelstam's diplomatic and academic career stands out because of his consistent focus on the protection of human rights, and during his years in emigration — his attempts to universalise these ideas. It was André Mandelstam who prepared the first draft of the universal declaration of human rights, adopted by the International Law Institute. During his emigration years, A. Mandelstam gave lectures in the Hague Academy of International law, promoting humanitarian ideas and reflecting on the minority rights, refugees and statelessness issues as faced by and resulting from the transformation of Turkish and Russian Empires. He conceptually developed the ideas of international protection of minorities and human rights in international law, all the while continuing to actively work towards their

¹⁴³ Huhle R. von. *Armenien zu einer internationalen Menschenrechtserklärung. Andre Mandelstam und die Entwicklung menschenrechtlichen Völkerrechts*. Nürnberger Menschenrechtszentrum, 2012. S. 26.

¹⁴⁴ Sohn L. B. *How American International Lawyers Prepared for the San Francisco Bill of Rights II* American Journal of International Law. 1995. Vol. 89. № 3. P. 540–553.

universalisation. Despite the advanced ideas for his time about the primacy of human rights over state sovereignty, Mandelstam was not free from the perception deeply rooted in the worldview of internationalists of his generation about the different levels of development and civilization of various peoples, who, in their opinion, needed protection from enlightened states. The authors of this article have explored the private background of André Mandelstam and microhistories connected to it, striving at the same time to draw the wider historic, political and social context. They examined André Mandelstam's ideas on the protection of minority and human rights as they developed in the interwar period in order to bring them back into contemporary theoretical and historical discourse.

Keywords

André Mandelstam, international protection of human rights, humanitarian intervention, protection of minority rights, interwar period, Russian Empire, Ottoman Empire, history of international law, theory of international law, League of Nations

Citation: Shestakova K., Yataeva P., Avdeeva V., Suponin V. Stanovlenie mezhdunarodnoy zashchity prav cheloveka v mezhoennoy period: figura i vzglyady A. N. Mandel'shtama. Chast' 2 [The Emerging International Legal Protection of Human Rights in the Interwar Period: the Life and Ideas of André Mandelstam. Part 2] // Zhurnal VSHÉ po mezhdunarodnomu pravu (HSE University Journal of International Law). Vol. 2. No. 2. P. 4–27 (in Russian).

<https://doi.org/10.17323/jil.2024.22259>

References / Список источников

- Aust H. P. (2014) From Diplomat to Academic Activist: André Mandelstam and the History of Human Rights // *European Journal of International Law*, vol. 25, no 4, pp. 1105–1121.
- Burgers J. H. (1992) The Road to San Francisco: The Revival of the Human Rights Idea in the Twentieth Century // *Human Rights Quarterly*, vol. 14, no. 4, pp. 447–477.
- Dalle Mülle E. Bieling M. (2021) The ambivalent legacy of minority protection for human rights. *Revue suisse d'histoire*, vol. 71, fascicule 2.
- Daughton J. P. (2013) ILO Expertise and Colonial Violence in the Interwar Years // *Universalizing Social Rights: A History of the International Labour Organization and Beyond*. Sandrine Kott and Joëlle Droux (eds.). London: Palgrave, 2013.
- Dussen van der W. J. (1986) The Question of Armenian Reforms in 1913–1914. *Armenian Review*, vol. 1, no. 39, pp. 11–28.
- Grabar V. E. (2003) *Materialy k istorii literaturny mezhdunarodnogo prava v Rossii (1647–1917)* [Records on History of Literature on International Law] M.: Zertsalo. (In Russian).
- Huhle R. (2012) Von Armenien zu einer internationalen Menschenrechtserklärung. Andre Mandelstam und die Entwicklung menschenrechtlichen Volkerrechts. Nurnberger Menschenrechtszentrum.
- Ivanenko V. S. (2020) Sankt-Peterburgskaya shkola mezhdunarodnogo prava: Mesto i rol' Sankt-Peterburgskogo universiteta, ego uchyonykh i vypusnikov v stanovlenii i razvitii nauki i praktiki mezhdunarodnogo prava [St. Petersburg School of International Law: The Place and Role of St. Petersburg University, its Scientists and Graduates in the Formation and Development of the Science and Practice of International Law]. Sankt-Peterburg: Yuridicheskiy Tsentr. (In Russian).
- Kévonian D. (2003) Exilés politiques et avènement du « droit humain »: la pensée juridique d'André Mandelstam (1869–1949). *Revue d'Histoire de la Shoah*, vol. 177–178, pp. 245–273.
- Kévonian D. (2001) Les juristes juifs russes en France et l'action internationale dans les années vingt. *Archives Juives*, vol. 34, no. 2, pp. 72–94.
- Kévonian D. (2018) Mémoire inédit: The Swing of the Pendulum: Les juristes et l'internationalisation des droits de l'homme, 1920–1939. Histoire. École normale supérieure de Lyon.
- Komnatnaya Yu. A. (2009) Sud'ba i pravovoe nasledie uchyonogo i diplomata Andrey Nikolaeovich Mandel'shtama (1869–1949). K 140-letiyu so dnya rozhdeniya [The Fate and Legal Legacy of the Scientist and Diplomat Andrey Nikolaevich Mandelstam (1869–1949). To the 140th Anniversary of his Birth]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal*, no. 4, pp. 193–202.
- Lemnitzer J. M. (2016) International Commissions of Inquiry and the North Sea Incident: A Model for a MH17 Tribunal? *European Journal of International Law*, vol. 27, no. 4, pp. 923–944.
- Mandelstam A. (1923) *La protection des minorités (Volume 1)*. Collected Courses of the Hague Academy of International Law.

- Mandelstam A. (1926) *La conciliation internationale d'après le Pacte et la jurisprudence du Conseil de la Société des Nations* (Volume 14). Collected Courses of the Hague Academy of International Law.
- Mandelstam A. (1926) *La Société des nations et les puissances devant le problème arménien / par André-N. Mandelstam...* Éd. spéciale de la Revue générale de droit international public. Paris: A. Pedone.
- Mandelstam A. (1931) *La protection internationale des droits de l'Homme* (Volume 38). Collected Courses of the Hague Academy of International Law.
- Mandelstam A. (1934) *La politique russe d'accès à la Méditerranée au XXe siècle* (Volume 47). Collected Courses of the Hague Academy of International Law.
- Mandelstam A. N. (1917) *Le Sort de l'Empire Ottoman*. Lausanne, Paris: Payot et Co.
- Mandelstam A. N. (1937) *Le Conflit Italo-Éthiopien devant la Société des Nations*. Paris: Recueil Sirey.
- Schabas W. A. *Genocide in International Law: The Crime of Crimes*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- Sohn L. B. (1995) How American International Lawyers Prepared for the San Francisco Bill of Rights. *American Journal of International Law*, vol. 89, no. 3, pp. 540–553.
- Toufayan M. (2011) Empathy, Humanity and the “Armenian Question” // *Revue québécoise de droit international*, vol. 24, no. 1, pp. 171–191.